

Цена 16 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1974 году выходят следующие книги:

Богданов И. БАЗА ВЕРХОЛАЗА.

Рассказы о труде

Драбкина Е. ИСТОРИЯ ОДНОГО КАРАНДАША.

Рассказы о революции, о первых годах Советской власти

Жариков Л. БОГ И ЛЕНЬКА.

Отрывок из книги «Повесть о суровом друге»

Миксон И. ОТЗОВИСЬ!

Рассказы о Великой Отечественной войне,
о героизме советских людей.

Эти книги по мере их выхода в свет можно приобрести
в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Лидия Алексеевна Обухова

ЗВЁЗДНЫЙ СЫН ЗЕМЛИ

Ответственный редактор Л. Р. Баруздина. Художественный редактор В. А. Горячева. Технический редактор Н. Г. Махова. Корректор Г. Ю. Глотова. Сдано в набор 29/IV 1974 г. Подписано к печати 11/X 1974 г. Формат 60×90^{1/16}. Бум. типогр. № 1. Усл. печ. л. 4. Уч.-изд. л. 3,91. Тираж 750 000 экз. Заказ № 48. Цена 16 коп. Ордена Трудового Красного Знания издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы имени 50-летия СССР. Росглазполиграфпрома Госкомиздата СМ РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

КНИГА ЗА КНИГОЙ



Лидия Обухова

ЗВЁЗДНЫЙ СЫН
ЗЕМЛИ

Издательство
„Детская литература”



ЛИДИЯ ОБУХОВА

ЗВЁЗДНЫЙ СЫН ЗЕМЛИ

ПОВЕСТЬ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1974

Обухова Л. А.

O26 Звёздный сын Земли. Повесть. Рис. С. Трофимова. М., «Дет. лит.», 1974.

64 с. с ил. («Книга за книгой»).

Повесть рассказывает о первом космонавте Юрии Алексеевиче Гагарине, о его детстве, юности и первом полёте.
В этом издании повесть выходит с сокращениями.

0 70802-571
M101(03)74 Без объявл.

P2

© Иллюстрации. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1974 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

Многие необыкновенные жизни начинаются обыденно. Он начал неприметным среди других родившихся в том году мальчишек, а кончил её как любимец века, как Пионер космоса.

У него была самая обыкновенная биография. Над его головой и через его сердце прошло всё то щедрое и всё то грозное, что случилось на веку у Советской власти.

9 марта, когда у колхозницы села Клушина Анны Тимофеевны Гагариной родился сын Юрий, льдина с челюскинцами ещё медленно дрейфовала в полярном океане и лётчик Каманин в тот самый день отплывал из Петропавловска-Камчатского. Он не знал, что вскоре станет одним из первых Героев Советского Союза и тем более не мог предвидеть, что через двадцать пять лет ему доведётся готовить в полёт Первого Космонавта.

Однако всё это должно было случиться. Только не так быстро, как можно прочесть в книге.

В народном представлении жизнь героя слагается из фактов и мифов. Мы расскажем то, что подтверждают очевидцы и документы, но постараемся передать и саму атмосферу народной памяти о Юрии Гагарине. Невозможно будет отрешиться и от собственной печали и восхищения...

Космос, конечно, — вещь великая, но ещё важнее для нас узнать что-то о человеческой душе. О самом Юрии Гагарине. О том, каким он остался в памяти людей.

Попробуем, не теряя ощущения достоверности, закинуть головы и увидеть высокое!

Перед нами несколько страниц из жизни Первого Космонавта.



ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Гжатск поражает простотой. Не то что он бедноват и за пущен, как многие среднерусские города, нет, кроме этого несомненного налёта, в нём бросается в глаза именно простодушие, деревенская окраска течения его жизни.

Хотя здесь есть телевизорный завод да и другие предприятия, но лицо городка для меня определилось с первых шагов узенькой, заросшей кувшинками речкой Гжатью, по которой мальчишки-малолетки гоняли плоскодонную лодку, похожую на корыто. Невольно подумалось: и Юрий в своё время не миновал этой увлекательной забавы.

На крошечной площади, между двухэтажным зданием райкома из серого кирпича с оранжевыми наличниками и сквером с пятью скамьями, рядом с оставом церкви в почерневших от пожаров последней войны жестяных куполах, вдружен камень с именем Гагарина. Здесь будет памятник.

Инструктор райкома партии Валентина Александровна Кайманова мне говорила, что гжатчане нежно относятся к Юрию. У камня, отметившего место будущего памятника, всегда цветы. Иногда Валентина Александровна видит из окон райкома, как ребёнок или взрослый кладёт свой букетик. Это не привозные, не купленные цветы, они меняются с временем года: голубые подснежники — весной, жёлтые лютики — на исходе мая, белые ромашки — в разгар лета, тёмно-красные георгины и лиловые астры — осенью.

Когда городу давали имя Гагарина, на митинге женщины плакали. Они плакали потому, что он уже погиб, и потому, что был так молод.

— Как будто вырвали наше сердце, — сказал, вздохнув, гжатчанин.

Его часто называют здесь Юркой, как в детстве.

— Не спешите писать о нашем Юрке. Узнайте, почувствуйте, какой он был.

Он не главенствовал, не выпячивался, а как бы вырастал из самой почвы, подобно зелёному дереву, которое вдруг оказалось таким неповторимым!

РОДИТЕЛИ

Анне Тимофеевне Гагариной шестьдесят шесть лет. Она встретила меня у калитки босая. Ноги у неё загорелые, с гибкой небольшой ступней. А платье чёрное в мелкую крапинку, затрапезное платье для ежедневного домашнего обихода; и волосы убраны на затылке в небрежно скрученный крендель из светло-русой поредевшей косы. В ушах круглые зеленоватые камушки.

То, как она говорила, сами её крестьянские манеры, не лишённые настороженности и достоинства, выдают в ней женщину разумную, много передумавшую за жизнь, которая вся стоит за её спиной, как один год! И о муже она отзыается дружелюбно и сожалительно:

— Трудный он старик. И всегда был трудный. А уж после Юриной смерти подавно.

А он и впрямь старик. Глуховатый, припадающий на правую ногу, с очень яркими синими глазами.

— Кончай беседу! — сказал. — Огород надо поливать.

По тугоухости он не может многое рассыпать, хоть стоит в двух шагах, у распахнутой кухонной двери, и это раздражает его.

— Вот так всегда, — говорит, поднимаясь, Анна Тимофеевна.

Без жалобы, но и без покорства. Жизнь прожита, дети выросли, разве об этом сожалеют?

Анна Тимофеевна приехала девочкой из Питера, когда стало там большой семье при больном отце невмоготу. Их деревенька называлась Шахматово, близ Клушина. А Клушино тогда выглядело знатным селом со своими ярмарками, с высокой нарядной колокольней. Колокольня эта потом служила ориентиром дальнобойной артиллерии, которая била по немцам.

— То авиация бомбит, то орудия бьют, — сказала Анна Тимофеевна, перескакивая, как бывает при живом разговоре, сразу через несколько десятков лет. — Свои бьют по врагам. А и в нас попадает. Страшно...

— Хорошо, что дети не помнят войну, — сказала я.

— Боре было пять лет, а Юре — семь, они младшие, но всё помнят. Страху натерпелись достаточно. У нас немцы долго стояли: они отсюда, с гжатского языка, или клина, снова хотели на Москву идти. Долго здесь держались. Зато как мороза трусили! У нас маленькие терпеливее... А тут идёт офицер, сопли распустит. Противно смотреть!

В её голосе прозвучала брезгливость русской крестьянки, по понятиям которой можно ходить босиком и простоволосой, но уж чистоплотность требуется соблюдать!

— Брали что ни попадя! Я уж потом, бывало, наварю два чугуна картошки и выставлю на стол, чтоб не шарили, детей не пугали. Всё хотелось их заслонить. Да не всегда получалось. У нас одно лето стоял Альберт, механик. Так Юра с Борей ему песку в выхлопную трубу насыпали.

— Хорошо, что не поймал!

— Какое не поймал! Именно, что поймал. Юра несколько дней потом в дом не шёл, в огороде прятался, ночевал даже. Я ему и еду туда носила. Потом надоело мне это. Говорю: «Идём домой. Если озвеет немец, так я впереди, мне всё и достанется». Упирается. Отцу говорю: «Прикажи ему. Нельзя же, чтобы ребёнок жил на улице». Когда привела его через силу, Альберт только погрозил издали: «Юра никоис хороший малышик...» Уже когда Юра приезжал взрослый, я его как-то спросила: «Что он тебе сделал, что ты так боялся?» А он говорит: «Поддал мне кованым сапогом. Я и летел шагов двадцать, пока об землю не шмякнулся».

Неизвестно, жив ли тот Альберт, а если жив, то, конечно, давно старик со своими старческими немощами, у него взрослые внуки, и едва ли онпомнит постой в смоленской деревне, мальчионку, которого походя пнул. Мало ли их было, русских мальчишек!

ДЕТСТВО

Он осознал себя с той минуты, когда длинным прутиком пошевелил лужу. После дождя она стояла гладкая и синяя. Намного синее неба, да неба он и не видал. Человек, присматриваясь к окружающему, никогда не начинает с неба.

Осколок воды светился у самых Юриных ног. Волшебная лужа казалась немигающей.

Бот тогда он её и шевельнул прутиком. Какое странное

мгновение! (Физики сказали бы, что произошёл сдвиг сразу на несколько порядков.) Ребёнок прикоснулся к миру, как к рисованной картинке, и картина ожила.

Дальше потекли дни и месяцы, сложились в годы, и он их уже помнил.

Когда Юре минуло полтора годика, он заболел воспалением лёгких.

После долгой болезни, кстати, чуть ли не единственной за всю жизнь Гагарина (сразу после войны он лишь раз хворал малярией, а позже ни его родные, ни однокашники по ремесленному училищу или по техникуму и лётной школе не могли припомнить ни одного случая его нездоровья), — так вот, после первой болезни Юра ослабел настолько, что не становился на ножки, перепугав мать, но понемногу окреп, и жизнь уже оставляла следы в его памяти. Сам Гагарин говорил, что помнил себя очень рано.

По утрам он просыпался от гусиного гоготанья. Оно возникало на низкой ноте, и смутно разрозненный звук пронувшейся стаи забирался всё выше, как хор певцов.

Ночная изба, полная дыхания спящих, к утру начинала простукиваться молоточком древоточца, а вечерняя песенка сверчка утихала с рассветом. Сквозь запотевшие стёкла была видна всё та же травяная улица и небо, опустившееся до самого крыльца, — так низко оно лежало и так далеко раскидалось. В сенцах пахло яблоками-паданцами; их собирали в решёта и вёдра, чтобы скормить скотине. Яблочный дух казался хмельным. После него прохладная свежесть утра вливалась в грудь, как целое ведро колодезной воды. Вода была особенной: сладко-пресная на вкус, мягкая, подобно шёлку, она доилась из рукомойника-водолея тонкой струйкой, а в пригоршне лежала стёклышком.

Бабка Сидорова, Анна Григорьевна, называемая в семье Нюнькой, родня на седьмой воде — свояченица отца брата, — одинокая, бездетная вековуха, жившая по соседству, ставила большой самовар, кликала через ограду:

— Приходи, Юрушка, у меня конфетки есть, чайку попьём, поблаженничаем!

Эта бабушка Нюнька и нянчила, и баловала его, и укрывала от родительского гнева...

Когда в Клушине узнали, что в космос полетел именно Юрий Гагарин, Анна Григорьевна размышляла вслух:

— Я всё думаю, как же он туды попал? Выйду и смотрю на небо. И ещё — как обратно вернулся? Всю жизнь молюсь за него: может, всевышний по моей молитве и вернулся?..

Однажды пронёсся слух, что Гагарин едет в родное село. Сбежалась толпа. Действительно приехал, но не один.

— Все генералы, видно, — рассказывала потом бабка Нюня. — Я в избу прибежала, стою, умом не соберусь: то ли навстречу бежать, то ли здесь оставаться? Вижу, к моему дому ку поверачивает сокол мой! Не забыл. Не побрезгал. Оглянулась вокруг: чем же его приветить, по величать? На иконе у меня голубь хранился; сняла я его и иду к дверям, держу перед собой того игрушечного голубя. Думаю: вдруг засмеётся, застыдит меня? А Юра смотрит так серьёзно, так строго, и все военные за ним следом идут; домишко у меня ветхий, половицы под ногами поддамываются. Таких гостей отродясь здесь не бывало.

Взял Гагарин голубя из рук бабки Нюни, обнял её, она завыла в голос, по-деревенски, но не хотела задерживать гостей, да и любопытно было — тотчас смолкла. «Откуда ты теперь сам, голубь мой?» Он улыбнулся: «С неба, тётя Нюша».

...Судьба подарила Юрию завидное детство, не стеснённое размерами городской квартиры. На первой странице своей книги-беседы «Дорога в космос» он вспоминает «желтоватую пену стружек» и то, что мог «по запахам различать породы дерева — сладковатого клёна, горьковатого дуба, вяжущий привкус сосны...» Бруски, щепки, камушки, обрезки кожи, гвозди, рыболовные крючки, обрывки пеньковой верёвки, глиняные черепки — да это же необъятный арсенал! Сокровища, которые только и ждали приложения его сил и выдумки.

И мать и старший брат Валентин помнят, что ещё совсем малышом, дошкольником, он смастерили себе лыжи, и они служили как настоящие. Валентин Алексеевич в своей документальной повести рассказывает о предновогодних днях, видимо, 1940 года, когда в крепкий мороз Юра с друзьями бегал на этих самых лыжах далеко в лес и встретил там лису и зайца.

Скорее всего, это была мальчишеская фантазия, стремящаяся к гиперболе.

Так и прекрасные самодельные лыжи, способные унести не только в лес, полный зверья, но и задержаться на секунду в воздухе, пока они с Володей Орловским, обминая от ужаса и наслаждения, прыгали, будто с трамплина, с края оврага...

Юра весь взбудоражен новостью. Учительница Ксения Герасимовна позвала его на школьную ёлку! И не просто так придёт он, дошколёнок, глазеть, а будет читать стихи. Про кошку.

Растягированная мать достаёт сыну обновку: голубую рубаху с белыми пуговками...

Как странно сейчас подумать, что на космодроме Га-

гарин спал спокойно, а новогодняя ёлка потрясла его душу настолько, что ещё задолго до рассвета он соскочил с печи и разбудил Валентина и Зою: как бы старшие не опоздали!

Впечатления детского возраста неповторимы. Разница лишь в том, что клушинская ёлка была волшебной новинкой для одного малыша в небесно-голубой рубашке и старых подшитых валенках, а фантастичную округлость Земли глазами Гагарина увидело всё человечество!..

И вот наконец заспанное декабрьское утро разлепило ресницы, поморгало ими, осыпая иней, а на белых цветах в окне робко и поздно заиграли розовые змейки. Праздник начался. Юра стоит под ёлкой, он читает стихи. Про кошку.

Клушинские времена года сменяли друг друга, и красота мира приходила к Юре Гагарину легко, как дыхание. Поздней осенью из-под бледного настила опавших листьев под давлением его ноги выступали пятна болотной мокрости. Захолодавшие деревца стояли в стеклянной воде, настолько прозрачной, что все листья видны наперечёт.

Тонкая плёнка заморозка, если исхитриться посмотреть на неё под углом, была разрисована папоротниковыми зубцами, а ледяные жилки, словно процарапанные иголкой, складывались в узор, похожий на вышивку праздничного полотенца.

Потом ложился снег, сутками мели метели. Дом визжал, звенел, выюга била его со всех сторон. Казалось, ещё немного, и чердак будет срезан, смыт снежной струей, его завертит, как ту обломанную ветром берёзовую ветвь, которая с шумом, почти с человеческим воплем долго носилась между стволами. Наконец она прилепилась к сугробу, примёрзла, но ещё долго пугливо вздрагивала, била беспомощно веточками, вспоминая свой полёт.

«В иные дни так занесёт, что и колодца утром не найдёшь», — вспоминала мать.

Жилось ей по-прежнему нелегко и хлопотно. Пока Клушино было разделено на несколько колхозов, в своём маленьком «Ударнике», куда входила их окolina, Анна Тимофеевна была и пахарем на двух лошадях, и заведовала молочной фермой. («Бывало, примчишься с ребятами к маме на ферму, — вспоминал Юрий, — и она каждому нальёт по кружке парного молока и отрежет по ломтию свежего ржаного хлеба».) Когда колхозы слились, Анна Тимофеевна, чтоб быть поближе к дому, сделалась телятницей, а затем и свинаркой. Она не боялась никакой работы и оставалась такой же дружелюбно-немногословной, освещая дом своей непогасшей за долгие годы улыбкой.

Отец, о котором Юра всегда отзывался как о строгом, но справедливом человеке, не баловавшем напрасно и не наказывавшем детей без причины, не всегда жил дома: чаще он работал плотником в колхозе или на мельнице, но случалось, что уходил и на дальние заработки. Именно он «преподал нам, детям, первые уроки дисциплины, уважения к старшим, любовь к труду», писал потом Юрий.

...Подошла последняя предвоенная весна.

Солнце припекало; безостановочно кричали грачи, устраивая на берегах гнёзда и воруя друг у друга длинные упругие хворостины. Речка дышала снежной прохладой. Голос ледохода, слабый и упрямый, всплески, шуршанье и торканье льдинок — всё напитывало тишину плотно и радостно. Река неслась вперёд.

Наслаждение скоростью! Оно началось для Юры визжащим лётом салазок и тяжёлым галопом ездовой лошади, а ещё был бег наперегонки по тёплому лугу. Наслаждение скоростью! Одна из главных радостей его жизни.

Не только свободные дни, но даже часы готов был позже Гагарин провести в мимолётном свидании с родными местами. Из Москвы на Гжатск дорога шла между спутанными ольхой берёзовыми рощами. Поляны, заросшие иван-чаем, вдруг кидались ему в глаза праздничными красными платочками и тотчас исчезали, оставались позади.

Как все лётчики, Юрий вёл машину на предельной скорости. Казалось, что колёса вот-вот могут оторваться от сего полотна шоссе с чёрными заплатками свежего асфальта и упругое тело машины, набычясь ветровым стеклом, рванёт ввысь, поверх облаков.

Говорят, непривычным людям было страшно с ним ездить. Но он ничего не мог с собой поделать. Скорость затягивает, от неё уже невозможно отказаться. А ведь он знал скорость предельную, ещё никем до него не испытанную. Космический прыжок остался в крови...

Те семь километров, когда Юрий сворачивал с большака и которые решительно ничем не отличались от предыдущей дороги, те полторы минуты, что приходилось пережидать у спущенного шлагбаума, пока товарный состав протрусит мимо, возвращали его, кругосветного путешественника, гостя многих стран и народов, к первоначальным впечатлениям бытия. Каждый куст, каждое придорожное деревце обретали свой голос и говорили на языке, понятном лишь им обоим.

ПЕРВЫЙ КЛАСС. ВОЙНА

Кончался август. Стояли кроваво-красные рябины. И кровь уже лилась неподалёку, только дети пока не понимали этого.

У Юры была главная забота: собираться в школу.

Логика ребёнка подводила к тому, что и война должна кончиться непременно к первому сентября. Просыпаясь и засыпая под приближающийся гул артиллерийского обстрела, он видел, как от подземных толчков сухо ползут струйки песка с потолка.

Старший брат запомнил, разумеется, больше. Он пишет, что у них в избе иногда целыми семьями останавливались на ночлег беженцы. Это были ошеломлённые и словно пришибленные тем непонятным, что на них обрушилось, люди. Юре они казались бледными тенями — к вечеру появлялись, на рассвете исчезали.

Война ещё только началась, но уже стали приходить первые похоронные...

И всё-таки первого сентября Юра Гагарин пошёл в первый класс!

Незадолго перед этим произошло событие, очень важное в биографии Гагарина: будущий лётчик и космонавт впервые увидел самолёт, прикоснулся к нему руками.

По ночам он просыпался оттого, что рядом мурлыкал кот. И всё громче, громче стены тряслись от «мурлыканья»! А это летели на Москву фашистские бомбардировщики. Просто Юра не мог полностью очнуться.

Но однажды днём прямо над крышами кружили, вернее, проволоклись по небу два советских самолёта. Став взрослым, Юрий Алексеевич узнал марки этих самолётов, это были «Як» и «ЛаГГ». «ЛаГГ» подбили, и он из последних сил тянулся за дома, на болото.

Как ни мгновенно всё это произошло, быстроногое пламя мальчишек успело домчаться до места падения как раз в тот момент, когда самолёт разломился надвое, а лётчик едва выскочил из-под обломков. Он прихрамывал и был очень рассержен аварией. Не обращая ни на что внимания, обошёл искалеченную машину, осмотрел, щупал её. Лётчик ругался и безнадёжно смотрел в пустое небо. Вскоре оно наполнилось рёвом «ястребка»: на выручку возвращался «Як». Сумрачное лицо молодого лётчика осветилось, он сорвал шлем и замахал им.

«Мы жадно вдыхали незнакомый запах бензина, — вспоминал потом Юрий, — рассматривали рваные пробоины на крыльях машины. Лётчики говорили, что дорого достался фашистам этот исковерканный «ЛаГГ». Они расстег-

нули кожаные куртки, и на гимнастёрках блеснули ордена. Это были первые ордена, которые я увидел».

Оба лётчика выглядели деловитыми и собранными; как ни мал был тогда Юрий, он ощущал в этих людях особую сноровку, манеры, отличные от деревенских и невыразимо пленительные для него.

Те лётчики улетели благополучно. Мальчишки притащили им четыре пустых ведра и помогли перетаскивать бензин из бака подбитого самолёта. Ночь лётчики провели на болоте, не отходя от машины, а утром подожгли подбитый «Ла ГГ» и вдвоём поднялись на «ястребке».

Уже гораздо позже, когда деревню заняли враги, на глазах детей произошла и настоящая трагедия. Самолёт летел из последних сил, упал, не долетев до Клушина: врезался носом глубоко в землю. Взлетело пламя. Потом останки лётчика крестьяне тайком похоронили.

...Фашисты ворвались ранним утром. Анна Тимофеевна увидела сначала мотоциклистов. В получьме разглядела, что они тащат на прицепах лодки с грузом.

Ах, гагаринская изба, окна в пять стёклышек!.. Брызжет дождь в косую линейку, как в школьной тетради. Этими тетрадями, приготовленными столъ заботливо к первому сентября, Юре пришлось больше любоваться, чем писать на них. Дождь... Осенний студёный дождь. В избе пахнет керосином и немецкими папиросами. Вся семья Гагариных сбилась в кухне; был дом свой, а стал чужой.

«Ночь провели на огороде, — вспоминает Валентин Алексеевич, — подстелив солому и прикрывшись дерюгами. Мать плакала, обнимая Юру и Бориску. Утром отец, угрюмый, простудно кашляя, сказал:

— Землянку рыть будем...»

Эта землянка, или, как её стали называть по-военному, блиндаж, стала приютом надолго. Отец сколотил полати; тесно, но места хватило всем, даже приютили одинокую Нюньку с её самоваром.

За два дня до прихода оккупантов из Клушина хотели угнать колхозных свиней.

«Куда вы? В Гжатске уже немцы!»

Погнали обратно, роздали по колхозникам. У Гагариных свинья вскоре опоросилась, и её долго прятали в кустарниках. Они всегда были людьми долга: не своё — колхозное имущество берегли.

Первые месяцы по ночам им всё казалось, что если стрельба, то подходит Красная Армия. Но противоестественная жизнь длилась и длилась. Истошились скучные запасы, которые удалось припрятать от прожорливых постояльцев. Теперь после уроков ребята бежали в поле,



собирали крапиву, лебеду, клевер. Матери сушили её, толкли, пекли жалкое подобие лепёшек...

Первые месяцы после оккупации учительница Ксения Герасимовна упорно пыталась продолжать занятия, хотя школа чуть не каждую неделю меняла место, а напоследок ютилась на краю села в избушке Зубовых. Но во дворе Зубовых немцы устроили конюшню и выгоняли учеников.

Две оккупационные зимы тяжело легли на семью Гагариных. Некий рыжий фельдфебель Бруно, заплечных дел мастер при немецкой комендатуре, расправлялся с провинившимися. За отказ выйти на работу был избит в комендатуре и Алексей Иванович. Несмотря на боль, он не раскрыл рта, чтоб не испугать Юру, который ждал его у крыльца. Как-то Анна Тимофеевна вышла с косой на ржаное поле — весной его вскопали лопатами, пахать было не на чем — и хотела прогнать обознную лошадь, которая топтала колосья. Фашистский солдат вырвал косу, полоснул лезвием по ноге, Анна Тимофеевна упала, обливаясь кровью. Юра, не помня себя, швырнулся в солдата комом земли. Тот замахнулся косой и на ребёнка... В другой раз механик Альберт поддел маленького Бориску за шарфик и подвесил на сук. Мать сняла его полузадохнувшегося.

Клушино долго было в прифронтовой полосе; последние дни сражение шло всего в восьми километрах. Гвардейская дивизия генерала Стученко обходным манёвром рвалаась на Гжатск. Грохот артиллерийской канонады, надрывный гул авиации, зарево пожаров — вот дни и ночи клушан!

Враги уходили в мартовскую морозную ночь с субботы на воскресенье, накануне того дня, когда Юрию исполнилось десять лет. Ночь выдалась ясная, месячная; хорошо было видно, как меж высоких сугробов пробивалось человек полтораста в белых маскировочных халатах, кто на лыжах, кто с санями. Видимо, отходил арьергард минёров. И Алексей Иванович Гагарин и соседский парнишка видели из-за угла, как ставили мины, как становился смертоносным снег между их домами. Но Витька Белов по малолетству разглядел только блеск металла под месячным сиянием, а Алексей Иванович примечал расположение мин. «Отец вышел навстречу нашим и показал, где фашисты заминировали дорогу», — вспоминал потом Юрий Гагарин.

ОТРОЧЕСТВО

Фашисты ушли. Гагарины перебрались из землянки в избу.

Изба была полупуста. Всё вокруг носило следы заброшенности. Под старым ватным из красного сатина одеялом лежали только Юра с Бориской. Валентина и Зою фашисты успели угнать в Германию. Правда, по дороге они бежали, дождались Советской Армии, стали бойцами — Зоя ветеринаром при кавалерийской части, а Валентин в танке, башенным стрелком. Отец тоже ушёл служить нестроевым в гжатский госпиталь. Когда фронт двинулся на запад, он сторожил военные склады. Анна Тимофеевна с младшими сыновьями оставалась пока в Клушине.

Возвращалось прерванное детство. Довоенная школа сгорела. Ксения Герасимовна ютилась со всеми четырьмя классами в двух комнатах попова дома. Читать учились по «Уставу пехоты», а на арифметике манипулировали гильзами от патронов.

Женя Дербенков рассказывает:

— После уроков приходилось помогать матерям в колхозе. Юра часто пас телят, а я — свиней. После немцев повсюду было полно боеприпасов. Ходили мы в Вельковский лес с мальчишками, разряжали потихоньку снаряды. Как? А очень просто: сядем верхом на снаряд, в руках зутило, молоток, бьём, потом отвинтим головку. Как-то на плёсе решили взорвать. Кроме меня, в этой затее участвовали Юра Кулешов, Коля Белов, Юра Гагарин и Толя Гольцов. Насыпали полную фуражку пороху... Удивительно, как уцелели! Жили голодно, трудно, подкармливали нас на солдатской кухне, пока стояли войска. Но всё равно мы были счастливы!.. Как Юрка учился? Всё быстро схватывал. Идёт контрольная, он едва вопросы переписал, как уже и сдаёт. По литературе тоже — раз прочёл и помнит. Мать его, Анна Тимофеевна, браницась: «Да сядешь ли ты заниматься, как все дети!»

Позже Алексей Иванович разобрал избу и перевёз сруб на окраину Гжатска, на улицу Ленинградскую.

РАССКАЗ УЧИТЕЛЬНИЦЫ. ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Елена Фёдоровна Лунова. Учительница. Семью Гагариных знает издавна, можно сказать, с детства.

— В пятидесятые годы, — говорит Елена Фёдоровна, — стала я заведовать начальной базовой школой при педучилище. По-моему, это была очень интересная и полезная фор-

ма: студенты училища имели свою школу. Они часто давали уроки и вообще привыкали к ребятам, присматривались к труду педагога. Чтобы быть учителем, надо иметь талант. И чем раньше узнаёшь, есть ли он или нет его, тем лучше для твоего будущего.

В это самое время иду я как-то по улице и вижу как будто знакомое лицо: Анна Тимофеевна Гагарина. «Ты ли это, Нюра?» Мы с ней обнялись. Оказывается, она с детьми недавно сюда переехала. Жили ещё в землянке, но уже перевезли сруб из Клушина и собирались ставить свой домик на новом месте. «Я к тебе, Елена Фёдоровна, своих двух младших приведу. Ты уж их, пожалуйста, возьми».

И вот на другой день Анна Тимофеевна приводит двух мальчиков-погодков: Юрку и Бориску. Смотрю на старшего. В сером костюмчике — мать перешла из своей старой хлопчатобумажной юбки. Потупился, а глаза плутоватые, быстрые. «Ты его в хорошие руки передай, — просит Анна Тимофеевна, — чтоб не забаловался». Младший на вид был спокойнее, попокладистее. Он пошёл во второй класс, а Юра в третий. Там Нина Васильевна преподавала, наша выпускница. Вот она учитель, как говорится, милостью божьей! Никогда голоса не повышала, не сердилась, а слушали её ребята раскрыв рты — так им было интересно.

Всё у нас в школе тогда было ещё самодельное. Вместо парт столики, а перед ними на двух чурбаках доска-скамейка. Мальчишки иногда вытирали гвозди, которыми доска держалась на чурбаках, и вдруг посреди урока, — баx на пол! Тут уж не обходилось без Юры Гагарина. Он был мальчишка подвижной, шаловливый. Но передалась ему и материнская деликатность, мягкость характера. Помещение у нас было маленькое, сидели по трое. Сначала Нина Васильевна посадила Юру в глубине класса; но вскоре поняла: глаз с него спускать нельзя. Если и не озорничает, то достанет потихоньку из стола книгу и смотрит себе в колени, читает. Читал больше старые журналы, что попадались под руку. Перевели его на ближнюю парту. И, помню, вместе с Пашей Дёминым сидела с ними третьей такая маленькая девочка, Анечка, самая крошечная в классе, её легко было обидеть. Но Юра её оберегал, провожал до дому — им в одну сторону было идти, — и даже раза два я видела, что несёт её сумку с книгами. Сумки были матерчатые, матери сами шили. У нас вообще в школе девочки и мальчики дружили. Но Юра относился к маленькой Анечке просто трогательно.

Возле школы бомбой разбило здание, и после уроков школьники разбирали его по кирпичу. Младших ставили на конвейер, старшие грузили. Стоят малыши, как муравьишки,



цепью и по крошке, по песчинке гору разбирают. «Посмотрите, — сказала потихоньку Нина Васильевна, — как Юра Гагарин о своей подшефной заботится».

Стоят Паша и Юра, а между ними Анечка; если кирпич побольше, они его друг другу передают мимо неё.

Взрослым я его не очень вспоминаю. Как-то он остановил меня на улице уже в форме лётчика. «Вот, познакомьтесь, это моя жена... А я очень изменился?» — «Конечно, Юра, — отвечаю. — Ты теперь взрослый, офицер, и выглядишь, как полагается офицеру Советской Армии. Тебя уже и называть нужно Юрием Алексеевичем». Он засмеялся. Юра с детства очень хорошо смеялся: искренне, радостно. За улыбку ему все шалости простишь в душе.

Третий и четвёртый классы текли у Юры Гагарина с переменным успехом: он получал четвёрки и пятёрки, а иногда ему выговаривали за то, что он не подготовил урока.

Как-то Нина Васильевна, тогда ещё совсем молодая учительница, едва переступив порог классной комнаты, попросила Елену Фёдоровну пойти с ней к Гагаринам. Она жаловалась, что Юра совсем запустил грамматику, не учит правила и сегодня при практикантах опять оконфузил её. Вместе с расстроенной Ниной Васильевной они пошли чуть не через весь город к дому Гагариных.

Дом ещё только строился. Отец был на стропилах, а мать вышла навстречу, очень встревоженная.

— Ну, что он набедокурил?

— Ничего особенного. Просто не учит уроки. Сегодня правила по грамматике не знал.

Юра стоял тут же неподалёку, за маленьким верстаком, стругал какие-то планки. Он потупился и, глядя на босые ноги, упрямо пробормотал:

— Я только один раз не выучил.

— А вчера, Юра? — мягко сказала Елена Фёдоровна. — А позавчера? Ведь мы тебя готовим в пионеры!

Анна Тимофеевна сокрушённо покачала головой.

— С домом мы с этим занялись, выпустила его из рук...

В глазах Юры блеснули слезинки, которые, впрочем, тотчас и высохли, особенно когда Елена Фёдоровна поинтересовалась, что это он стругает.

— Это будет самолёт, — радостно ответил Юра. — Очень большой и очень быстрый! Больше того, что сбили над Клушином.

С этим Юриным самолётиком произошла затем вот какая история. Как-то по школьному двору вдоль палисадника прогуливался в перемену дежурный от родительского

комитета Фёдор Дмитриевич Козлов, по профессии техник-строитель, человек общительный и смешливый.

Козлов не ждал беды, когда откуда-то сверху, из окна третьего этажа на него свалился самодельный самолёт.

Елена Фёдоровна сразу догадалась, чей он, и вместе с потерпевшим вошла в четвёртый класс. Все дружно встали и, открыто сознавая собственную невиновность, со спокойным любопытством смотрели на вошедших. Одна только пара глаз упорно не поднималась от парты.

— Ну что ж, ребята... — начала Елена Фёдоровна. — Вы ушибли Фёдора Дмитриевича, а могло случиться ещё хуже. Просто не знаю, как теперь и быть! Не могу даже представить, кто из вас мог принести в школу этот самолёт? А главное, бросить из окна! Самолёты надо испытывать в поле, на ровном месте. И если это хороший самолёт, то он полетит вверх, а не вниз.

Козлов поддакивал:

— Будь он чуток побольше, у меня на голове получилась бы целая рана!

Тогда Юра не выдержал, вышел из-за парты.

— Это мой самолёт, — прошептал. — Простите.

Ему сделали ещё несколько упрёков, а когда собирались уходить, он догнал Елену Фёдоровну, тихо спросил:

— Вы отдадите мне самолёт?

Елена Фёдоровна замялась.

— Знаешь, Юра, лучше пусть останется у нас в учительской. Это ведь модель, её надо поберечь.

Юра вздохнул: ему было так жалко своего самолётика!

А потом у Елены Фёдоровны случилось несчастье. Пришло извещение о гибели единственного сына.

В четвёртом классе в этот день студент педучилища проводил беседу о красном галстуке. Ребята слышали обо всём этом впервые. Они были целиком захвачены: пионерский галстук — часть знамени революции!

Слёзы душили Елену Фёдоровну. Она вспомнила своего сына таким же маленьким. И тот день, когда он впервые надел красный галстук, и как он был смущён, горд: шёл, косясь на свою грудь.

Она отошла к окну, отвернулась от класса и закрыла глаза рукой.

Когда она очнулась, урок уже кончился, а в двух шагах от неё стояли Юра Гагарин и Паша Дёшин.

— Я знаю, почему вы плачете, — сказал Юра. — У вас убили Валю. Он был танкист. Лётчик обязательно улетел бы от врагов. Ведь самолёт быстрее всего на свете.

— Ну нет, — возразил Паша. — Танки тоже очень большие и быстрые. На танке можно куда хочешь.

— Что ж, по-твоему, танк обгонит самолёт?
— Может, и обгонит, — упорствовал Павлик.
Обычный мальчишеский спор.

Пятый и шестой классы Гагарин учился уже в средней школе, одной на весь разбитый город. Нынче это просто жилой дом на Советской улице, дом 91. Ботанику преподавала Елена Александровна Козлова.

Она и привела нас в этот дом. Мы постучались в квартиру Черновых. Под любопытными взглядами двух девочек прошли на кухню, оклеенную синими обоями, остановились возле плиты... Елена Александровна показала на угол, где когда-то была сквозная дыра во двор. Доска висела на стене, где сейчас буфетик. Перед доской стояли парты в три ряда; в среднем ряду сидел Юра Гагарин.

— Это был самый тёплый класс. Солнце светило в окне весь день, — сказала Елена Александровна.

После сорока пяти минут тесноты, когда учитель бочком проходил к своему столику, а ученики сидели вовсю локоть к локтю, на перемену все выбегали во двор. Ранней весной старшеклассники после уроков запрягали коня Кобчика и ехали в лес за голыми озябшими деревцами, потом их сажали в школьном дворе.

— Постойте, когда же это было? Двадцать лет назад!

Елена Александровна переходит от дерева к дереву. Да, деревья, как и дети, быстро растут!

Юра ей запомнился приветливостью. Исполнительный весёлый мальчик, активный по натуре: на вечерах декламировал стихи и участвовал в драмкружке, пел в хоре, играл в школьном оркестре на трубе. Его белая рубашка и красный галстук так и стоят перед глазами...

Я понимаю желание учителей спустя двадцать лет после того, как Юрий сидел за партой, представить эту парту неисцарапанной, неизрезанной, а самого Юрия — тем идеальным учеником, по которому извечно тоскует педагогическая душа. Преподавательница вспоминает его белую рубашку, повязанную пионерским галстуком...

А между тем я сомневаюсь, чтобы он приходил в школу каждый день одетым столь тщательно. Семья Гагариных бедствовала на разорённой войной Смоленщине. Отец пробовал разные заработки, а сыновья, случалось, ходили с военной санитарной сумкой по пустым полям, собирая прошлогодний картофель. Наоборот, более естественным представляются заплатанные курточки и стоптанные башмаки.

Алексей Семёнович Орлов, собиратель истории Гжатска,

старшая дочь которого училась в той же единственной тогда средней школе, покачал головой:

— Он был живой и очень подвижный паренёк. У нас по-местному, по-смоленски, таких называют «сбродник».

— Колобродник?

— Вот именно.

А Наташа, его дочь, сказала:

— Мы жили школой. У нас так мало было радостей вне её. В семьях ютились скученно и голодно. Не знали мы тогда ни театров, ни телевизора. Проходили Островского, но не видели на сцене ни одной его пьесы. Никто из нас не бывал даже в Москве, хотя она под боком, всего-то несколько часов поездом. Нам не на что было ездить... Я до сих пор люблю своих учителей: они старались скрасить наше скучное детство. Хотя мы сами вовсе не ощущали его таким! После уроков мы сдвигали парты — собственно, это были просто узенькие, плохо струганные столики — и заводили патефон. Часами слушали музыку или под патефон танцевали. Не то что зала, даже коридора в школе не было. Только сенцы, лестница и тесные комнатёнки классов. А мы не уходили из них! Без конца устраивали какие-то выставки, клеили альбомы, готовили самодеятельные вечера.

Я подумала: вот откуда активность подростка Юры! Его душа так жадно стремилась всегда к светлым и действенным проявлениям жизни. И он декламировал стихи на вечерах, пел в хоре, даже играл на трубе — он тоже не хотел уходить из школы!

Это же самое время старшему брату Валентину Алексеевичу представлялось в несколько ином ракурсе: «Много хлопот у матери по дому... Юра поет побыстрей и принимается помогать. Вода кончилась — сходит к колодцу, дрова нужны — принесёт вязанку. А особенно Юра с Борей любили в огороде копаться...»

Но и на уроках в школе и в окружающем его быте, несмотря на всю свою ученическую прилежность и старательность по дому, Юрий выбирал из массы впечатлений те, которые были наиболееозвучны его внутреннему настрою.

Заманчиво вообразить, что именно тогда он услышал в глубине существа как бы зов космоса и возмечтал сдаться космонавтом. Но это было бы совершенной неправдой. Понятие «космос» тогда вовсе ещё не стало общеданным. А слова «космонавт» не существовало. Стремление оторваться от земли связывалось в те годы лишь с самолётом, а это были довольно маломощные машины, с нашей сегодняшней точки зрения.

Но и о лётчицком ремесле Юрий мог размышлять лишь в плане обычных мальчишеских мечтаний, то есть в самых

общих чертах. Он не слыл чрезмерно задумчивым подростком, из тех, что как бы грезят наяву и живут в собственном, выдуманном мире. Для этого он был слишком активен и бодр. Он с благодарностью брал то, что ему предоставляла жизнь...

ПОД МОСКОВОЮ. В ЛЮБЕРЦАХ

Летом 1949 года Юрий окончил шестой класс. Бездейственные школьные годы прерывались почти на половине. Он всё больше понимал, что не суждено ему первого сентября пойти в седьмой класс и сесть за парту...

Семья Гагариных бедствовала. Деревенский домик, который в Клушине разобрали, а на окраине Гжатска поставили своими силами, состоял из кухни и двух тесных комнат; одна из них была скорее боковушкой, чем отдельным помещением. А жило здесь восемь душ. Вернулись под родительский кров Валентин и Зоя. Зоя вышла замуж и родила дочь Тамару. Заработки у взрослых членов семьи были маленькими. Отец плотничал по найму в окрестных колхозах, часто с ним вместе надолго уходил и зять. Валентин работал монтером, но сорвался со столба и долго лежал в больнице, — боялись ампутации ноги.

Анна Тимофеевна почти не могла сводить концы с концами: покинув Клушино, она лишилась того деревенского хозяйства, которое помогло ей растиль детей и пережить войну. Хоть и сжималось её сердце от тревоги за сына, ничего другого, как отправить Юрия в Москву к дяде Савелию, придумать в семье не могли.

Савелий Иванович работал тогда в строительной конторе. Он попробовал было разузнать о ремесленных училищах именно своего, строительного, профиля. Но с каждым днём Юрины шансы всё падали: набор повсюду был окончен.

В унылом ожидании прошло больше недели, пока дело не взяла в свои руки старшая дочь Савелия Ивановича, Антонина, самая энергичная в их семье. Первым делом Антонина перевезла Юру к себе. У себя дома примолкла, села, по-бабы жалостливо разглядывала его. Он был щуплый и малорослый не по годам. И какой-то очень уж беленький, по-детски чисто умытый, ребячливо смущённый в своей отглаженной рубашке.

Вернулся Иван Иванович. Предупреждённый женой по телефону, он наводил справки уже в своей, металлургической, отрасли.

— Пусть продолжит нашу ивановскую династию металлургов, — пошутил, тоже с сомнением бросая незаметный

взгляд на приезжего мальчугана. — В следующем году и поступит.

Действительно, сделать было уже ничего невозможного: в Москве экзамены повсюду прошли.

— Но он не может вернуться в Гжатск! — горестным шёпотом сказала жена.

— Тогда остаётся ремесленное училище в Люберцах. Может, там повезёт, — отозвался муж.

Поедем завтра же, — решила Антонина.

По дороге в Люберцы, слушая, как стучат колёса электрички на стыках рельсов, глядя в толстое стекло, Юра и не знал, что сделал первый шаг в свою собственную историю. Решение приехать в Москву было первым его самостоятельным решением.

Поначалу всё складывалось безнадёжно скверно.

Перед ремесленным училищем Антонина почти с ужасом увидела толпу дюжих, горластых парней, гонявших по двору футбольный мяч. Все они были соискателями.

Сестра оставила Юру в стороне и с бьющимся сердцем, но с внутренней отвагой и гагаринским фамильным упрямством вошла в здание.

Завучем оказался сероглазый человек, чуть старше самой Антонины. Между ними немедленно протянулись нити понимания. Они заговорили дружелюбно, с тем контактом, который так легко возникает в молодости.

— Я привезла к вам своего брата, — сказала она. — Он из Гжатска. Кончил шесть классов.

— Невозможно! — огорчённо отозвался завуч. — У нас огромный наплыв. Большинство с семилеткой, есть даже после восьми классов.

— Но я не могу отсюда уйти! — воскликнула Антонина. — Поймите, от вас одного зависит всё его будущее.

И горячо, почти вдохновенно, как случается в решительные минуты, она стала рассказывать обо всей короткой Юриной жизни в прифронтовом Клушине, о страшном немецком постое и теперешнем скучном существовании большой гагаринской семьи.

Завуч слушал с грустным пониманием. Большинство мальчишек за окнами обладали сходными биографиями.

— Вот что, — сказал он вдруг. — Через полчаса экзамены. Пусть ваш брат поднимается на четвёртый этаж. Я внесу его в список. Как, вы сказали, его фамилия?..

Антонина выбежала, не чуя ног.

— Скорее, Юрка, скорее! — И внезапно охнула: — Но ты же не готовился! Экзамены прямо сейчас.

— Тоня, не волнуйся, — вполголоса твердил он, пока они поднимались по лестнице, и заглядывал ей в лицо

с нижней ступеньки — она бежала впереди него. — Конечно, сдам. Не боюсь я никаких экзаменов. Я всё знаю. Успокойся...

Четыре часа, пока Юра писал сочинение и решал арифметические задачи, Антонина бродила вокруг дома.

— Задачки сошлись с ответом?.. А какие были слова, трудные? Как ты их написал? Мягкий знак не забыл? — тормошила она его.

Он же повторял, как прежде:

— Да всё хорошо, Тоня. Ты не беспокойся.

Антонина снова отправилась к завучу. Тот просмотрел поданные ему списки только что сдававших экзамены.

— Знаете, ваш брат действительно очень хорошо сдал. Четыре и пять. Мы его принимаем. Но общежития дать не могу. Все койки уже заняты. Попробуйте устроить у местных жителей. В прошлом году наши ученики снимали углы.

Антонина и Юрий перешли железнодорожную линию, поступали в первый дом. Открыла старуха. Да, у неё жил ремесленник. И занимался тут, и спал. Тихий, прилежный постоялец (она испытывающе скользнула глазами по пришедшему). У неё очень хорошие условия, почти что отдельная комната. Берёт недорого: всего двадцать пять рублей в месяц.

«Почти отдельная комната» оказалась тесным чуланом без окна, отгороженным грязной ситцевой занавеской. В чулан вмещались только раскладные козлы с соломенным тюфяком да больничная тумбочка, заменявшая и стол и шкаф. Лампочка малого накала болталась на шнуре.

Антонина оглядела этот затхлый закуток и за руку вывела брата на вольный воздух. После нескольких неудачных попыток они вернулись в училище. Третий раз за день Антонина поступалась к завучу.

— Ведь он не сможет платить даже одного рубля, поймите! Как-нибудь, хоть в коридор поставьте кровать.

— Некуда. Не могу!

— Тогда... всё равно зачисляйте! Будет у меня в Москве жить.

Завуч открыл было рот, чтоб отвергнуть и эту возможность. Но Тонины карие глаза так упрямо сверкали, а гладкие упругие щёки так ярко пламенели, что молодой человек только вздохнул и улыбнулся. Рука его сама собою потянулась к перу. «Явиться на занятия 25 августа», — написал он на бланке.

— А если для меня не будет койки? — совестливо бормотал Юра, когда они уже вечером возвращались обратно в электричке.

Антонина бесшабашно махнула рукой:

— Да забудут тогда все уже про твою койку! Приезжай пораньше и занимай любую.

Поначалу в цехе с конвейера, куда ставили начинающие формовщики, в том числе и Юрий, свои изделия, шёл густой брак; хотя мастер к концу смены хватался за голову при виде перекошенных стержней в опоках, всё-таки они делали что-то уже собственными руками. Пальцы, недавно способные держать лишь ученическую ручку, становились со дня на день гибче, цепче, взросле. А какой юнец не спешит стать мужчиной!

Да и первая получка, из которой половина тотчас была отослана Юрием в Гжатск, — разве это не наполняло его, как и других парнишек, внутренней гордостью и удовлетворением?

— Юра показался мне поначалу, — рассказывал завуч ремесленного училища, — слишком хлипким, щедушным. А вакансия оставалась единственной в литейную группу, где дым, пыль, огонь, тяжесть... Вроде бы ему не по силам. Да и образование недостаточное: шесть классов. Мне сейчас трудно припомнить, почему я пренебрёг всем этим и что заставило всё-таки принять Гагарина. Наверно, та целеустремлённость, которой он отличался всю последующую жизнь, его желание учиться. Ну что ж, раскаиваться нам не пришлось. Случайно сохранилась ведомость за первую четверть: у него прекрасные отметки. Но был ли он особенным? Нет. Просто работающим, живым, обаятельным.

Итак, Люберцы, 1949 год.

Их было трое, смоленских мальчишек: Чугунов, Петушкин и Гагарин. Смоленское землячество. Они заприметили друг друга ещё в актовом зале, после сдачи экзаменов, и дальше уж так и держались вместе. И тогда, когда пришли на завод и впервые увидели там, как из вагранки чугун течёт, и позже, когда решили — кровь из носу! — кончать седьмой класс, хотя это была нагрузка сверх учёбы в ремесленном и сверх работы на заводе.

Первым такую мысль подал Тима Чугунов.

— Я, ребята, пойду в вечернюю, — рассудительно сказал он. — Надо.

— Я тоже, — подхватил тихий Саня.

Юрий размышлял не больше секунды.

— И я.

— У него было такое свойство, — рассказывал потом Петушкин. — Он не начинал первый, но сразу подхватывал всё толковое и уже ни за что не отступал.

— Как же вам хватало времени?



— А после отбоя выйдем из спальни, сядем на лестнице, под лампочку, и учим уроки. Потом наш воспитатель Владимир Александрович Никифоров, видя, что у нас не блажь, что мы решили заниматься по-настоящему, дал нам комнатку для троих. Мы каждый день сидели до часу. Каждый занимался молча. Если что-нибудь не пойму, спрошу Юру. Он быстренько объяснит, и снова у нас тишина, только страницы шелестят. Юра со своей помощью не навязывался, но так уж получилось само собой, что мы старались делать, как он.

А я подумала: уже тогда в нём стали проявляться почти незаметные поначалу черты героя своего времени — умение объединить вокруг себя людей и поворачивать мир его светлыми сторонами.

Рассудительный Тимофей Чугунов оказался нынче плотным приветливым мужчиной.

— С Юром всегда было интересно, — говорил он. — Он больше нас читал и уже о многом знал из того, о чём мы и не слыхали. Уроки ему почти не приходилось готовить — запоминал в классе. А энергии было так много, что без дела он просто не мог оставаться. Отсюда, мне кажется, возникла и его любовь к спорту. У него было много азарта. Однако азарт никогда не делал его бесчувственным или злорадным. Как-то мы бегали на лыжах, шёл зачётный кросс, и вдруг Юрин соперник сломал палку и так растерялся, что остановился. Юра на ходу сунул ему свою лыжную палку и всё-таки обогнал его.

Хотел ли он стать лётчиком? Не знаю. Юру всё-таки больше тогда увлекала физкультура. Нет, он в своих мечтах никогда не зарывался, трезво выбирал возможное. Хотя и самое трудное из возможного!

Когда ремесленное училище было окончено, Петушкин и Чугунов получили направление в Саратовский индустриальный техникум. Что касается Юрия, то в ту пору он мечтал совсем о другом поприще: ему хотелось поехать в физкультурный, в Ригу.

Иногда будущее решают мелочи. В Саратов сдавать экзамены можно было ехать тотчас, а в Ригу — спустя месяц.

— Ну и где ты будешь этот месяц болтаться? — уверял своего воспитанника завуч Владимир Ильич Горинштейн, как каждый производственник, не желавший, чтобы пропадали зря два года литейного обучения в училище.

— Юра, а мы? Как же ты без нас? — завздыхали Тима и Саня.

Юра немного помялся и... передумал. Чашечка невидимых весов вздрогнула и качнулась. Вектор решительно указал на космос. В Саратов.

НОВЫЕ МЕСТА. НОВЫЕ ЛЮДИ

Когда Юрий Гагарин приехал в Саратов, ему сорвялось восемнадцать лет.

Среди поступающих в индустриальный техникум было шестеро отличников, и в их числе Юрий Гагарин.

Все учителя Гагарина дружно твердят, что он всегда и всему учился одинаково хорошо. Трудно было даже уловить, существовали ли у него какие-нибудь особые пристрастия. Позже с одинаковым успехом он делал доклады и по физике и по истории.

Потом, когда прошли уже четыре учебных года и близился выпуск, то есть в то самое время, когда Юрий уже твёрдо знал для себя, что будет не литейщиком, а лётчиком, он продолжал учиться так же ровно, увлечённо и старательно.

Признаюсь, это несколько озадачило меня. Было бы вполне естественно — и не в укор ему, — если бы все силы он бросил теперь на занятия в аэроклубе, а не на ненужную в будущем технологию литейных печей!

— Как вы думаете, почему он так хорошо учился? — задала я несколько странный вопрос. — Он ведь не был тщеславным и не стремился во что бы то ни стало к первенству?

— О нет! — воскликнула преподавательница истории Надежда Антоновна Бренько. — Он был простодушный и жизнерадостный мальчик. Мне кажется, ему просто было всё интересно. Всё на свете, с чем бы он ни сталкивался. А о том, что у него свои планы, я узнала лишь месяца за три до выпуска. Мы как-то разговорились все вместе — ведь у них была маленькая группа, человек пятнадцать, и за четыре года я их всех узнала очень хорошо, потому что они приходили иногда к нам с мужем домой, особенно когда муж заболел. «Вот, — сказала я им тогда, — сейчас вы егё мои ученики, но я смотрю на вас и вижу будущих инженеров, директоров ремесленных училищ, а может быть, даже и учёных». Ребята приосанились, лишь Юра засмеялся и, приложив левую ладонь к груди — был у него такой излюбленный шутливый жест, — сказал: «А вот про меня вы не угадали. Я не буду ни инженером и ни учёным, а лётчиком-испытателем, как Чкалов. Надо же кому-то и Чкалова заменить». Смерть Чкалова была тогда ещё у всех в памяти, и слова эти никак не прозвучали хвастовством, а скорее трогательно. Я не отнеслась к ним серьёзно. «Зачем же тебе выбирать такую хлопотливую профессию? Кочевать с места на место...» В общем, мне казалось тогда, что это обычные мальчишеские выдумки.

— Может быть, Гагарин был замкнутым и просто о нём никто ничего не знал по-настоящему?

— Да нет, — задумчиво возразила она, — он был очень открытый и простодушный...

Юрий продолжал, как и в детстве, оставаться отзывчивым и добрым малым. Неблагодарность не была ему свойственна ни в какой мере, и потом, уже став так необыкновенно знаменитым, он находил время помнить всех своих старых учительниц, находил слова, чтобы их порадовать, и вообще был прекрасно щедр в течение всей своей короткой жизни на добрые движения души.

Так, райкомовский работник Анатолий Васильевич Медведков, человек в Гжатске недавний, пришлый, вспомнил, к слову, как ездил с Гагариным, уже кандидатом в депутаты Верховного Совета, в соседнюю Сычовку.

Стояла очень снежная зима. Усталый Гагарин вышел боковой дверью из Дома культуры, где только что окончилась его встреча с избирателями, и пробирался по узкой тропке через сквер. И вдруг заприметил поодаль старушку: она тоже спешила на митинг, да опоздала — завязла в сугробе.

Гагарин подобрал полы шинели, шагнул и, черпая ботинками снег, вынес старушку на тропку. «Ах, батюшки! — всполошилась она. — Я ведь хотела космонавта послушать. Неужто ушёл?» — «Нет, бабушка. Это я». Обрадованная старуха стала задавать вопросы. Пока он с ней разговаривал, подвалила толпа из Дома культуры. Он шёл, охотно останавливаясь на каждом шагу, его окружали всё новые люди. Они только что слышали его и видели на трибуне, и всё-таки им было жалко отпускать его.

В этом маленьком происшествии нет ничего примечательного, кроме того, что оно обогатило людские сердца. А если бы Юрий Алексеевич был жив, он бы, наверно, не смог даже припомнить того вечера.

САРАТОВСКИЕ ОЧЕВИДЦЫ

Как быстро меняются города! Люди ещё молоды, полны сил, а дома, словно прошло целое столетие, настроены, перестроены, перекрашены.

Индустриальный техникум из трёхэтажного кирпичного здания губернского толка превратился в серую глыбу современной пятиэтажки. Шершавые, пупырчатые его бока похожи на наждак.

— Вот тут, — говорят мне, — была стена, а здесь раздевалка. И колонны круглые...

Такое ощущение, будто стены то сжимаются, то растягиваются.

Я пытаюсь увидеть эти коридоры и лестницы.

Там, где сейчас библиотека, был раньше класс; на последней парте сидел Гагарин.

За несколько месяцев до полёта старшим лейтенантом он приехал в Саратов и пришёл сюда... «Хочу посидеть за своей партой».

Константин Павлович Тураев, мастер фрезерного дела, сухопарый, уже с обильной проседью, хлопнул его по плечу: «Кто же ты, Юрий, теперь?» — «Лётчик-испытатель». — «А зачем такую трудную и беспокойную профессию выбрал?» Гагарин улыбнулся: «Так другие ведь могут? И я могу».

Тураев отомкнул мне бывшую литейку. Здесь от новеньких станков пахнет свежей масляной краской. Здесь тоже всё изменилось, кроме разве квадратных переплётов стеклянной крыши.

Тураев начинает свой рассказ.

— Мы, мастера, каких учеников запоминали? Или лодырей отчаянных, или высокочек. А Юра стоит себе скромно, спорить не будет... Хоть и был отличным литейщиком, но за любую самую чёрную работу брался.

Юра Гагарин... Юра Гагарин... Каким тёплым пятнышком остался ты в груди многих самых разных людей!

— А вы знаете, что он был капитаном баскетбольной команды? — даже как-то строго вопрошает меня другой мастер, седой Семён Николаевич Романцев. — Ведь Юра был невысокого роста. Самый маленький — и капитан! Почему?

Я этого не знаю.

— Потому, что ребята ему доверяли. Где Юра Гагарин, там порядок.

Однокашник Александр Шикин Гагарина уважал не зря:

— После обеда мы отдыхаем час-два, а Юра бежит на спортивную площадку, готовится к соревнованиям, собирает ребят. Потом прибавился аэроклуб. Мы садимся за подготовку уроков — он уходит на другие занятия. Принесёт уже поздно вечером чертежи крыла самолёта, показывает нам. Он знал, что никто его сразу на самолёт не посадит: нужна теория и практика. Другим это скучным казалось. В аэроклуб у нас поступали многие, да кончил он один. Вот и выходит, что в десять вечера мы уже спать ложимся, отдыхаем, а Юрий только за подготовку уроков на следующий день берётся. Память у него была колоссальная, конечно. Но дело не в одной памяти. Да, Гагарину нравилось, когда учи-

теля его вызывали и он мог показать свои знания. Выскочкой не был, но встать перед классом и ответить четко, ясно, весело любил. Разве это плохо?

ЛУНА, РАХМЕТОВ И ДНЕВНИК ГАГАРИНА

Потекло учебное время в простой рамке дней: утренний завтрак в восемь часов — тарелка каши и стакан чая — и поздние вечерние занятия в комнате общежития за длинным столом, когда большинство сокурсников уже спит под разноцветными байковыми одеялами, прикрыв лицо простыней от света лампочки на длинном шнуре. В этом незамысловатом обрамлении рядом с другими, заодно с ними жил юноша Гагарин, ничем не отличавшийся, кроме целеустремлённости. Как ни странно, эта целеустремлённость была направлена не в одну-единственную сторону, как случилось у большинства выдающихся людей, знавших «одной лишь думы власть, одну — но пламенную страсть».

Жадность его мозга была удивительна. А впрочем, почему удивительна? Не являлся ли он просто примером здоровой гармоничной натуры, которая не может богатства мира воспринимать лишь мимоходом?

Упорство, оптимизм и работоспособность — вот главные его черты.

Нина Васильевна Рузанова. Гагарина она запомнила в первый же день занятий. Щуплый подросток — ему уже было восемнадцать, но выглядел он скорее пятнадцатилетним — легко краснеющий, улыбчивый: ощущение постоянной улыбки создавалось приподнятыми вверх уголками губ.

Он отрапортовал, как положено, чётким голосом, что класс к занятиям готов и что докладывает об этом дежурный Гагарин. Так она узнала его фамилию.

Он не вернулся на место без разрешения. «Садитесь, Гагарин», — сказала она. (В техникуме студентов называли только на «вы». «Ты» появлялось лишь вне занятий, оно носило дружеский оттенок.)

За четыре года Нина Васильевна, как ей казалось, узнала Юрия очень хорошо. Ему нравились уроки литературы, он много читал по программе, но всегда забегая несколько вперёд, и частенько с обычным милым своим выражением скромной внимательности останавливал учительницу в коридоре или просовывал голову в приоткрытую дверь:

— Можно поговорить?

Вот он только что прочёл «Войну и мир» и не мог дождаться, когда роман будут разбирать на уроке. Ему очень понравился Болконский!

На одном из первых уроков зашёл разговор о счастье.

— Счастливым человек может быть только вместе со своей страной, — убеждённо сказал Гагарин.

Отличная память тотчас подсказала строки из поэмы Алигер: «Нам счастья надо очень много. Маленького счастья не возьмёшь». Подвиг Зои представлялся ему верхом человеческого благородства и уже тем самым мог почитаться счастьем.

— Если бы я попал в такое положение, я хотел бы веселиться так же.

— Струсишь бы, — шутливо ввернул кто-то из однокурсников.

— Нет!

Разумеется, это был обычный разговор обычных советских учащихся на рядовом уроке литературы. Значительным он становится лишь теперь, когда каждая мелочь биографии Гагарина приобретает особый смысл.

Хотела бы я знать, кто не спорил, прочитав «Что делать?», о резкой, мрачноватой, волнующе-привлекательной фигуре Рахметова?

Юрий остановил Нину Васильевну в коридоре:

— Целую ночь проспорил в общежитии из-за Рахметова. Вот бестолочи! Говорят, что нечего ему было спать на гвоздях: героизм, мол, не в этом.

— А что отвечал ты?

— Дело не в гвоздях, а в испытании. Революционер должен знать, на что он способен, где граница его сил. Прогрессировать это можно по-разному. В том числе и так, как Рахметов.

— Чем же кончился ваш спор?

— Я их убедил. Уже под утро.

Кроме литературы, Нина Васильевна вела уроки русского языка. У Юры Гагарина тетради были чистенькие, аккуратные, а почерк скорее девичий (с годами он менялся). Но был случай, когда домашнее задание оказалось выполненным неряшливо, с кляксами, ошибками.

— Ребята, разве это похоже на работу Юры Гагарина? — спросила она, показывая листок со злосчастными деепричастиями.

Гагарин молчал. Опустил глаза — и ни слова в оправдание.

На перемене ученики догнали Рузанову в коридоре.

— Вы знаете, почему так получилось у Гагарина? Он вчера поздно вернулся с тренировки, а во всём общежитии выключили свет, заниматься было нельзя. Юрка проснулся на рассвете и готовил уроки насуху.

К следующему уроку Юрий подал тетрадку с двумя

упражнениями — тем, которое было задано на сегодня, и с прежним, на деепричастия, переписанным заново.

— Больше это не повторится, Нина Васильевна, — сказал он.

И действительно не повторилось.

— Был ли Юра фантазёром? — переспрашивает она меня. И некоторое время находится в затруднении. — То есть мечтателем? Конечно, у него была мечта стать лётчиком. «Я хочу летать», — говорил он мне не раз.

Позже я спрашивала лётчика Юрия Гундарева:

— А почему вы и ваш тёзка Юра Гагарин пошли в аэроклуб? Послужило ли что-нибудь толчком? Не может быть, чтобы вы ни разу не вспомнили потом об этом между собою.

Он добросовестно думает.

— Знаете, — говорит с облегчением, просияв улыбкой, — скорее всего, нам обоим понравился фильм «Истребители».

— А как вы думаете, если б Гагарин не поступил в лётную школу, как бы сложилась его судьба?

— Он бы учился в институте. Уж это я точно знаю.

ПЕРВЫЕ КРЫЛЬЯ

Юношеские увлечения очень важны. В юности определяется: далеко ли человек пойдёт и на чём остановится.

Юрий был небольшого роста, но он захотел стать баскетболистом.

— Если бы вы видели, — сказал бывший военный лётчик, наставник Юрия в аэроклубе Сергей Иванович Сафонов, — если бы вы видели, как он посыпал мяч из середины круга прямо в корзинку!

Я пытаюсь представить это единоборство с мячом: ожидающие глаза, руки, готовые вскинуться в неотразимом броске.

Юрий увлекался спортом упоённо и в то же время методически. А вместе с тем легко, без болезненного самолюбия и стремления добиться первенства любой ценой.

Вот что рассказал Владимир Павлович Каштанов, методист-инструктор аэроклуба, загорелый, подвижной пятидесятилетний крепыш:

— Я Гагарина помню ещё до аэроклуба. Каждый вечер ходил в детский парк играть в волейбол. Я и сейчас люблю с молодёжью мяч покидать, а тогда дня не пропускал. Он тоже спортсмен заядлый; мы друг друга сразу приметили. Слышу, он спрашивает: откуда, мол, этот загорелый дядька?

ка? Я подхожу и отвечаю: «Из аэроклуба». Ребята меня окружили: «Где тут аэроклуб? Кого туда принимают?»

Техника всегда привлекала Гагарина. Его тянули к себе порядок, военная чёткость и возможность более убыстрённого движения по жизни. Всё это он надеялся найти в авиации — и не ошибся!

Более всех в аэроклубе Гагарин был привязан к своему инструктору Дмитрию Павловичу Мартынову.

Юрий появился в группе уже четвёртого мартыновского набора. Осеню, в дни начала занятий, Мартынов, как это было положено в аэроклубе, обошёл дома своих курсантов. Юрия он застал в большой комнате общежития: сидел на кровати, читал. Курсант показался инструктору щуплым и малокровным. Впоследствии Мартынов понял, что впечатление это обманчиво: Гагарин был очень выносливым юношей как в воздухе, так и на земле.

В классах Мартынов отметил про себя особую сообразительность Юрия. Юрий был аккуратен, никогда не опаздывал, не пропускал ни одного занятия; в общем, инструктор решил, что это самый подходящий староста для группы.

Однако сам он бывал суров и даже резок с Юрием: «Ты не угадывай, чего я хочу, а сам соображай!»

Лётчик должен воспитывать в себе самостоятельность: наедине с небом ни авторитетов, ни шпаргалок не будет. Это Мартынов знал твёрдо.

Понравился ему Гагарин по-настоящему весною, в апреле, когда у самого Дмитрия начались тренировки и — что скрывать! — лучшее для него время. В один из полётов он взял с собою старосту группы: пусть, мол, приглядится, покачается... Но гагаринская жадность к воздуху, к полётам не уступала мартыновской. Никакие выражи не утомляли его. Напротив, Юрий как будто находил особое удовольствие в растущих перегрузках, ему было всё мало и мало...

Они говорились о маленькой хитрости: зная, что Юрий опаздывает к аэродромной практике, потому что в это время у него будет защита диплома, Дмитрий уже сейчас иногда передавал ему управление самолётом.

На рассвете воздух совершенно тих, это лучшее время для полётов. Чтобы попасть на аэродром вовремя, Юрий спал с вечера не более двух часов, а после полуночи уже дежурил на пустой улице возле ограды массивного особняка аэроклуба, чтоб не пропустить служебный автобус.

Немногословный Мартынов замечал всё, хотя и не хвалил за рвение; ему казалось естественным, что для будущего лётчика нет ничего важнее неба...

Не верьте тому, что великие события происходят в обы-

денные дни! Счастливые дни бывают особыми от восхода и до заката.

И такой день выпал Юрию Гагарину. Впервые оторвавшись от земли — уже в одиночку, а не с инструктором, — сменив свой извечный человеческий, горизонтальный путь на внезапный птичий, вертикальный, Гагарин ощутил захвативший его целиком восторг. Несмотря на всю свою собранность, он жил несколько секунд как во сне.

О, эти первые сотни метров, такие же удивительные, как впоследствии его рывок в космос! С лихвой окупились долгие зимние вечера в аэроклубе, когда он терпеливо повторял про себя правила самолётования, чертил схемы крыла, подходил к мотору (настоящему авиационному мотору, но только водружённому на стол в учебной комнате) или же в кабине тренажёра десятки раз переживал миг взлёта как бы вчера, в воображении: ручку потянуть на себя, нос самолёта приподнимается, отрываясь от взлётной полосы...

Но на исходе этих фантастически прекрасных шести минут Юрия подстерегала столь крупная неудача, что она чуть было не изменила весь его дальнейший жизненный путь.

Сейчас придётся отступить несколько назад в Юриной биографии и забежать немного вперёд в моих собственных впечатлениях.

Я стою на балконе восьмого этажа гостиницы в Саратове и жду лётчика Гундарева. Сверху люди несколько коротковаты; они катятся, будто резиновые игрушки на роликах. Ловлю себя на том, что высматриваю курсанта аэроклуба (может быть, он вон в той полосатой майке), забыв, что время идёт так быстро и надо, вероятно, останавливать взгляд на макушках, тронутых плешинацкой...

И всё-таки я ошиблась! Вошёл человек молодой, с гладкой осмуглённой кожей, черноволосый, лёгкий на ногу, в голубой рубашке с накладными погончиками и с тёмно-зелёными шальными смеющимися глазами.

Совсем немного нужно было, чтобы протянуть ниточку от него, сегодняшнего лётчика, налетавшего девять тысяч часов, до былого курсанта, впрочем и тогда отличавшегося от остальных своими знаниями: он уже отслужил в лётной части и, когда другие начинали с азов, вполне прилично держался в воздухе.

Он так же, как и Гагарин, опоздал к аэродромной практике: один защищал диплом в техникуме, другой кончал вечернюю школу и работал на заводе. Но путь Гундарева был выбран, завод лишь перевалочный пункт — он поедет в лётную школу! Что о том же мечтает тёзка Юра Гага-

рин, он, естественно, не знал. Он вообще тогда знал Юру только в лицо: теоретические занятия новичков Гундарев посещал редко, он налегал на десятилетку — без среднего образования в лётную школу не примут.

В Саратове его назначили старшиною отряда. Это был лихой и не всегда выдержаный старшина, сила и озорство кипели в нём вперемешку. Однако на Гагарина он «положил глаз» безошибочно. И, пользуясь своей властью — пользуясь ею опять же с обычным штучливым и откровенным удовольствием, — собрал парней на лужайке, а Гагарину сказал: «Ты будешь комсоргом».

Тот не стал спорить: да я, да у меня... Ответил: «Хорошо». — «А раз так, — сказал Гундарев, — то и веди собрание».

Собственно, и комсорг и собрание были «дикими»: официально в райкоме такой организации совсем и не зналилось. Курсанты состояли на учёте при своих заводах, в своих школах: там платили взносы, там получали поручения и нахлобучки. Но, коль скоро собралось шестьдесят парней, шестьдесят комсомольцев, нужно было ввести какой-то порядок. Так Юрий стал комсоргом.

Летать они начинали очень рано — в пять утра, а иногда и в четыре. Засыпали и просыпались все в разное время. В восемь вечера, когда летом, в июле, солнце ещё светит во всю, часть палаток затихала: молодые не знают бессонницы, сон одолевает их одинаково и при лучине и при солнце.

Но два Юрия — старшина и комсорг — позволяли себе задерживаться после отбоя: они забирались в беседку и говорили о будущем. Оба хотели стать лётчиками-испытателями. Путь лежал через Оренбургское лётное училище. Вот они раздумывали, как окончат аэроклуб здесь, как выдержат экзамены там...

Курсанты перебазировались на аэродром в двадцатых числах июня. Гагарин задержался в городе не по своей вине — его не отпускал техникум: там наставляли, чтоб он ехал на место своей будущей работы не мешкая. Удалось вырваться, когда его товарищи уже начали летать. Каждый день полётов стоил больше, чем месяц в учебной комнате. Поэтому, всё зная в теории, отставший Юрий никак поначалу не мог освоить посадку. Дело повернулось так скверно, что и командир звена Герой Советского Союза Сергей Иванович Сафонов и командир отряда Анатолий Васильевич Великанов, тоже бывший боевой лётчик, пришли к негласному мнению отчислить Гагарина. Времени для дополнительных занятий с ним просто не было. Правда, это решение ещё не скрепила рука начальника аэроклуба Денисенко, хотя шло к тому.

И тут как не вспомнить добрым словом начальника лётной части Константина Филимоновича Пучика!

— Анатолий Васильевич, — сказал Великанову Пучик, — сколько лет мы с тобой уже сажаем парнишек на самолёты! И разве был хоть один случай отчисления? Что же мы будем с этого-то начинать? Ведь, говоришь, он толковый. Ну так и полетай с ним сам. Мартынов у нас лихач, не всем его тактика прививается. Попробуй иначе, а?

— Попробую, — ответил Великанов со вздохом.

И случилось небывалое: на следующий день с курсантом Гагариным в воздух поднялся не инструктор Мартынов, даже не командир звена Сафонов, а сам командир отряда. Это не могло не вызвать тревогу, но внешне Юрий был, как всегда, собран и внимателен.

Теперь, в воздухе, ему слышался не командный, а по-домашнему успокаивающий тягучий голос Великанова:

— Начнём тренировку с определения высоты. Сейчас мы находимся на высоте двенадцати метров. Как считаешь: пора выравнивать?

Юрий рискнул возразить:

— Это высоко.

— Тогда подведи самолёт чуть ниже, на семь метров, и производи посадку.

Потом уже, узнав Великанова хорошо, я особенно оценила, как этот опытный, тонкий, проницательный человек не постыдился сознаться, что в случае с Гагариным его интуиция дала промашку.

Потом я спрашивала нетерпеливо и Анатолия Васильевича и Юрия Гундарева:

— Каким он был в эти дни? Неужели не нервничал? Не чертыхнулся хотя бы...

Гундарев отрицательно мотал головой. Среди курсантов не были в моде душевые излияния: они говорили только о необходимом или о второстепенном.

Великанов, обладающий большим психологическим опытом, надолго задумался.

— Вечерами... — неуверенно сказал он.

Вечерами, когда все шли спать, Юрий старался остаться один. Надо же было уяснить себе, почему не получается посадка! А понять можно только наедине. Опять — в который уже раз! — ставилось на карту его будущее.

Вечером, в прозрачной темноте, на пустом поле, где странными птицами виделись безмолвные самолёты, когда даже выжженный солнцем бугор стал прохладным и влажным от росы, Юрий тихо шёл без цели, упрямо сжимая зубы. Он обязан побороть в себе это проклятое напряжение, эту скованность мускулов, иначе рушилась мечта... Впро-

чем, нет, он не только мечтал, он также непоколебимо хотел стать лётчиком, как четыре года назад во что бы то ни стало хотел учиться в техникуме. Он сам решал свою судьбу.

Не размышлял ли он в ту светлую ночь на лётном поле возле неподвижных самолётов, что можно бы и ему остановиться, смириться с уже достигнутым — и пусть летают другие?

Да, компанейский парень Юрка Гагарин старался в те вечера оставаться один...

Нет, он не был домом с распахнутыми дверями, куда можно было входить каждому. Рискуя привести другое сравнение: он напоминал скорее маленькую крепость, ворота которой распахивались часто, но не всегда.

И чтоб уже перевернуть эту страницу, закончим ее воспоминанием инженера аэроклуба Егорова:

«Раннее утро. В самолёте № 06 сидит Гагарин. Он ждёт, когда А. В. Великанов, руководитель полётов, разрешит ему подняться в воздух. «Добро» получено. На сиденье кладут балласт — мешок с песком. Самолёт, управляемый Гагариным, выруливает на линию старта. Машина плавно отрывается от земли, поднимается всё выше и выше. Ещё один курсант пошёл в воздух, ещё одним лётчиком стало больше».

А в штабе аэроклуба мне показали ведомость оценки пилотов, окончивших 24 сентября 1955 года, где тридцать четырёх в списке Гагарин аттестовался так:

Самолёт „Ян-18Т“ — отл.

Мотор М-11 ФР — отл.

Самолётовождение — отл.

Общая оценка выпускной комиссии — отл.

ОРЕНБУРГСКИЕ ЛАНДЫШИ

И вот настал тот день, когда им, выпускникам аэроклуба, вручили железнодорожные билеты до Оренбурга. Все они были тут и заняли чуть ли не целиком плацкартный вагон.

Поезд отошёл до наступления сумерек. Кончались последние дни сентября, обильного яблоками. Двадцать четвёртого им подписали дипломы.

Они понимали без слов: мечты начинают сбываться!

Но в Оренбурге, где их никто не встретил на шумном вокзале, они не то чтобы растерялись, но малость притихли. Надо было найти сначала дорогу к Чкаловскому военному авиационному училищу лётчиков. Название выучено давно.



Гурьбой, с чемоданчиками на весу, они переходили от улицы к улице, читали таблички незнакомых переулков, пока не очутились перед большим старинным домом из красного кирпича, расположенным буквой «П». Совсем рядом, через сквер, под обрывом текла речка Урал. Разве они не наслышаны о ней с детства?

Урал, Урал-река,
Шумлива и глубока!

На этой стороне — Европа, на другом берегу — Азия. Но глазеть недосуг, они ещё насмотрятся. В своих штатских пиджаках и брюках навыпуск — хотя и налетавшие по двенадцать часов, сдавшие и мотор и аэродинамику, — они почувствовали себя неуютно в длинном коридоре, по которому деловито пробегали подтянутые юноши в зелёном. Пока сдавали экзамены, новички мужественно старались не замечать этого различия.

Но настал желанный, нетерпеливо ожидаемый час, когда их чубчики и шевелюры были срезаны ножницами цирюльников, когда после бани они шли преображенными, в сапогах и гимнастёрках с латунными птичками на погонах. Им дали попрвоначалу довольно много времени, чтобы намотать портнянки, пришить воротничок, потому что военная служба начинается с опрятности. Первые месяцы проходили вдалеке от аэродрома: они прилежно зубрили устав, занимались тактическими учениями.

Ранняя осень сменилась поздней. Уже отпылали деревья, и всё чаще перепадали зябкие дожди. Мокрые листья прилипали к сапогам, когда учёлты шли строем по деревянному мосту через Урал. И хотя раздавалась предостерегающая команда: «Не в ногу!» — им трудно было сдержать ликующее чувство единства, когда подошвы так крепко отщёлкивают шаг, а руки ладно взлетают в такт движению.

Строй рассыпался лишь на том берегу. Тогда жидкий лесок Зауральской рощи оглашался гомоном: кричали «ура!», бегали в атаку.

Несмотря на повторяемость, каждый из этих дней был по-своему дорог Юрию Гагарину. Он постоянно помнил, что живёт в осуществившемся желании. Засыпал и просыпался с отчёлтым ощущением удовольствия: и от серебряно-туманных на рассвете высоких окон, и от первых белых мух над крышами.

Училище, куда попал Гагарин, встречало новичков прежде всего портретом великого лётчика нашего времени — Валерия Чкалова.

Первая оренбургская зима, на радость лыжникам, лег-

ла сразу глубоким снегом. Начались азартные кроссы. Уже замаячила невдалеке новогодняя ёлка с её праздничным увольнением, танцами в медицинском училище... Но прежде будущие лётчики принимали присягу: «Я, гражданин Советского Союза...» Теперь они уже точно знали, что невидимая «военная косточка» вскоренилась в их позвоночнике и будет только твердеть и твердеть.

1956 год прошёл в полётах. Сначала на том же «Як-18Т», а потом и на реактивных «МИГах».

Гагарин и его друзья полностью узнали упоение полётом. Небо поворачивалось во всех ракурсах. Как далеко ушёл Юрий от наивной «коробочки» над учебным аэродромом в Саратове! Теперь он безбоязненно бросал машину в штопор, в вихревое крутящееся падение, когда скорость становится критически низкой, зыбкий воздух проваливается под тобой, словно летишь в открытый люк. А потом острое чувство освобождения и победы, чувство абсолютной устойчивости в упругом небе на крепких воздушных слоях, надёжных, как земная кора.

Но вот настал день, когда чудо гагаринской жизни пришло со стороны. Почти неведомо для себя им стала маленькая девушка в голубом платье.

«Всё мне понравилось в ней: и характер, и полные света карие глаза, и косы, чуть приподобранные веснушками нос. Валя Горячева».

Познакомившись с Валей, тогда служащей телеграфа, а позже студенткой-медицинкой, он очень естественно вошёл и в её семью. Дом на улице Чичерина стал любимым приютом на время увольнений не только для Юрия, но и для его товарищей. Уклад семьи Горячевых напоминал Юрию собственный дом. Он искренне восхищался хлебосольством Горячевых и кулинарным мастерством отца Валентины Ивана Степановича, повара по профессии.

Сватовство прошло со свойственной Гагарину обстоятельностью. На побывке в Гжатске Юрий обговорил всё с Анной Тимофеевной, получил её материнское одобрение и лишь затем вернулся в Оренбург, сделал предложение, а после шумно отгулял свадьбу, совпавшую и с празднованием сороковой годовщины Октября и с производством его в офицера. Женился он именно в то время, когда становился полностью самостоятельным человеком. Аттестационные документы после выпускных экзаменов были подготовлены.

...И в то же самое время, будто дождавшись подросшего Гагарина, друг за другом стали взлетать на околоземную орбиту первые спутники. Скорость их — восемь километров в секунду — казалась пока недостижимой ни одному лётчику...

В ЗАПОЛЯРЬЕ

Перед тем периодом жизни Гагарина, который можно назвать «космонавтским», лежали два года службы в Заполярье. Он приехал туда по собственному выбору.

Поездом, а потом автобусом по заснеженной тундре поздно ночью добрались оренбургские выпускники до своего нового гарнизона. Стоял декабрь. Но это была не клюшинская зима его детства, словно один длинный-предлинный день с румяными угольками на загнётке, с хлопьями снега, широкими, как ладонь. Зима опускалась в одночасье полушалком из козьей шерсти и укутывала деревню до подбородка, пушистая, солнечная.

Здесь зима была темна, будто закопчённое стекло. Ещё в поезде Гагарина поразило: часы показывали полдень, а тут морозный туман, голубоватые потёмки. За Полярным кругом мгла стутилась ещё гуще. Снега призрачно вспыхивали в беглом свете прожекторов. Луч скатывался по твёрдому насту, шершавому, словно неглазурованный фаянс. Обледенелые камни звенели под ногами.

Молодых лейтенантов поселили в одном из бревенчатых бараков. И здесь впервые Гагарина увидел Семён Дмитриевич Казаков, один из близких друзей последних лет его жизни. Казаков в тот день дежурил по части, и вот как он вспоминает об этом событии:

«С жильём у нас было небогато, а тут приехало много семейных. Скажу прямо, при виде молоденьких лейтенантов и их промёрзших, пугливо оглядывающихся жён я порядочно растерялся. Кое-как распихал всех в учебных классах до утра. И всё же одному офицеру места не досталось. Стоим решаем, как быть...

В это время приоткрылась дверь в коридор: выглянул Гагарин.

— Давайте к нам третьего!

Казаков засомневался:

— Комната на двоих...

— Ничего, мы койки сдвинем.

Всунули третью кровать и спали так, поперёк, несколько месяцев.

С этого времени молодой лейтенант мне и запомнился».

Служба требовала приступать к полётам.

...Увы, в полярном небе особенно не разлетаешься. «Видимость миллион на миллион», как любят выражаться лётчики, внезапно, без всякой подготовки сменяется здесь критической видимостью: не более чем на двести—триста метров. Перемена происходит иногда почти мгновенно! Сплош-

ная облачность, туманы, снежные заряды... Опытные командиры не спешили отправлять новичков в небо.

Набрав высоту и взглянув вниз, Юрий радостно ахнул, увидев наконец-то краешек солнца, но командир Леонид Данилович Васильев, полярный ветеран, сурово одёрнул:

— Не отвлекайтесь от приборов. Эмоции эмоциями, а дело прежде всего.

Есть обстоятельства, которые помогают выразить драмвшую до того черту характера. Таким проявителем стала для Юрия полярная военная служба. Казалось неясным: он ли был создан специально для неё, она ли пришла ему впору?..

«Я никогда не жаждал приключений и опасностей ради них самих», — сказал как-то Гагарин.

И, по всей видимости, он чувствовал себя не очень уютно в первый свой самостоятельный вылет с полярного аэродрома, когда небо, перед этим ясное и безоблачное («Простые метеоусловия», — деловито пояснил Казаков), неожиданно замутилось наползшим с моря плотным туманом и пошёл дождь со снегом.

Мужество молодого, неопытного пилота, по-видимому, могло проявиться тогда лишь в сохранении хладнокровия и точном следовании приказу.

В воздух поднялся командир звена, опытный северянин. Найдя Гагарина посреди снежных вихрей, он «завёл» его самолёт на посадку.

В лётной книжке Гагарина появилась запись: такого-то числа, во столько-то часов и минут произвёл посадку самолёта при пониженном минимуме видимости с оценкой «отлично».

Видимо, в аэродромных буднях это был приметный случай; ему посвятили боевой листок:

«Товарищи авиаторы! Сегодня лётчик лейтенант Гагарин проявил высокую выдержку и умение при первом самостоятельном вылете. Учитесь, товарищи, летать так, как офицер Гагарин!»

Ещё на Севере Гагарин научился полностью отключаться от дел. По тундре, ныряя в заросшие густым кустарником распадки, он добирался до быстрого ручья, вода которого и летом оставалась ледяной, а зимой, окутанная туманом, не замерзала; здесь, в уединении, он проводил за ловлей форели спокойные часы. То первое лето он прожил один: Валентина доучивалась в Оренбурге и приехала к нему лишь в июле.

Молодые лётчики, с которыми Гагарин подружился тогда, с увлечением обсуждали полёты искусственных спутников. К этому времени уже третий советский спутник кру-

жил вокруг Земли. Они понимали, что эти космические аппараты приближают эру полётов человека. Часами спорили и фантазировали, как и множество других людей во всех концах земного шара. Только более квалифицированно: подниматься над Землёю было их профессией!

Правда, между крылатыми машинами и ракетным кораблём существовал непройденный водораздел...

Но космические перспективы, хотя и манили молодёжь затерянного в сопках гарнизона, пока оставались расплывчатыми.

Зато как они хотели летать! Постоянно. Каждый день. Как можно чаще.

И Гагарин, переполненный энергией, тоже тосковал по небу, ревниво ловил щекой изменившийся ветер, проклинал погоду и нетерпеливо ждал своей очереди.

...Прошла унылая полярная ночь. Весной, в апреле, он стал отцом, а немного ранее того был принят в партию. Оба события, хотя, казалось бы, лежащие в разных плоскостях, говорили о повзрослевии Юрия.

СОЛЁНЫЙ ПОТ КОСМОНАВТОВ

— Летайте, но не выше стратосферы! — Это прощальное напутствие врачей звучало в ушах несостоявшихся космонавтов потребительным звоном.

Но Гагарин побеждал и отоларингологов, и глазников, и невропатологов, и хирургов. Как рьяно они ни выступали на его теле «аэбуку Морзе», изъянов не обнаруживалось. Юрий продолжал надеяться...

«Малый КУК», как его прозвали испытуемые, представлял собой врачающееся кресло, на которое человека водружали голым по пояс, густо облепив резиновыми присосками. «Малый КУК» вертится, и на приборы течёт информация. «Главным предметом исследований были наши сердца, — вспоминал потом Гагарин, — по ним медики прочитывали биографию каждого. И ничего нельзя было утаить».

Игольным ушком считалась барокамера: проверка стабильности кровяного давления.

— Представьте себе обычновенный холодильник, — рассказывал мне один из кандидатов в космонавты, — только повместительней. И дверца плотная, с круглым оконечком из самого толстого стекла. Внутри камера больше смахивает на лифт: ходить нельзя, а сидеть можно. На стенке прибор для измерения атмосферного давления. И одна-единственная красная кнопка: если станет вдруг худо, нажмёшь, и испытание немедленно прервётся. В иллюмина-

торе то и дело появляется лицо врача. Испытание состоит в том, что давление медленно понижается; воздух становится всё более разрежённым. За этим можно даже самому следить. Чувствуешь себя, как в самолёте: уши закладывает всё ощущительнее, как будто поднимаешься в высоту метров этак тысяч на шесть! И опять-таки всё время знаешь, что ты на твёрдой земле, что рядом люди.

...Наконец Юрий услышал желанные слова: «Стратосфера для вас не предел». И твёрдо вошёл в группу завтраших космонавтов.

«Завтра» растянулось на недели и месяцы. Начались занятия, и о них Гагарин вспоминал так: «Мы должны были изучить основы ракетной и космической техники, конструкцию корабля, астрономию, геофизику, космическую медицину. Предстояли полёты на самолётах в условиях невесомости, тренировки в макете кабины космического корабля, в специально оборудованных звукоизолированной и тепловой камерах, на центрифуге в вибростенде. До готовности номер один к полёту в космос было ещё ох как далеко!»

В марте 1960 года парашютист Николай Константинович Никитин, обладатель мировых рекордов, рыжеволосый щёголь («Душевный человек и прекрасный рассказчик», — добавит после Гагарин), озабоченно объявил своим подчинённым:

— Едет спецгруппа. Будет нам работёнка! Я назначен старшим тренером. Подготовить парашюты, секундомеры... И прежде всего жильё.

Этим-то и занялся Михаил Ильич Максимов, чаще называемый среди друзей просто Максом. Он плотничал и малярил. Гостиницу при аэророме надо было довести доличинного состояния. Комнаты белили и красили, обставляли мебелью и оснащали «мягким инвентарём».

Тринадцатого апреля Максимову поступила новая команда: встречать.

И вот на зеленеющее свежей травой поле садится белый самолёт. Из него выходят молодые лейтенанты — все как на подбор: невысокие, в кожаных тужурках и бриджах, в меховых сапогах. Обмундирование с иголочки, скрипит, блестит. Только фуражки у всех разные: из тех частей, где лейтенанты служили раньше.

— Я ваш инструктор Максимов!

Едва отвезли вещи, не дав передохнуть, Максимов повёл приезжих на занятия.

За месяц надо было пройти огромную программу: не менее сорока прыжков. Сложных, затяжных, со спуском на воду.

А Гагарин до этого прыгал четыре раза. И другие бы-

ли не опытнее. Максимов помнит, как поднялась чья-то рука. Встал, представился:

— Старший лейтенант Титов. Сколько прыжков нам предстоит? Сорок? Ого!

Они переглянулись. Здесь были все первые космонавты, кроме Быковского, который в это время находился в сурдокамере, отрезанный от всего света.

— Парашютист всегда волнуется, — говорил мне Максимов. — Чтобы снять этот неизбежный страх, Никитин, Ищенко, сержант Буханов — отличнейшие мастера — показали им классические прыжки. Прыгал и я. Помню, вертолёт набрал восемьсот метров, и со второго захода я выпрыгнул. Десять секунд падал плашмя. Показал беспорядочное падение, когда за несколько секунд до приземления надо доказать, что тело всегда управляется. Никитин сказал: «А теперь я покажу положение, в котором многие погибли». Это было поистине потрясающее зрелище, особенно для новичков. «Он падает, как лебедь!» — вскричал кто-то. Но восхищение сменилось испугом: Никитин падал, падал, а парашют всё не открыт. На спине уже отчёлтиво виден красный герб чехла. «Запасной! Запасной!» — стали орать на поле. Лишь за триста метров над землёй Никитин сделал сальто, за ним спираль, и парашют выхлестнулся белой струёй, надуваясь и тормозя. «Такая штука, — объяснил Никитин, — называется затенением. Суть в том, что при неподвижном падении над телом возникает разрежённость и, чтобы купол вышел из чехла, чтобы его рвануло током воздуха, надо немедленно менять положение тела».

Те молоденькие старшие лейтенанты, которых принял на аэродроме Максимов, со снисходительным юмором приглядываясь к оживлённым лицам и скрипучим кожаным тужуркам — только что, видимо, со склада, — были предвестниками самых необыкновенных событий и в жизни бывшего парашютиста и в истории человечества.

Событие началось, а его почти никто не замечал. Меньше всего сами космонавты. Им было очень некогда.

День начинался с подогнанной Максом к гостинице машины и первого завтрака уже на аэродроме — кружки какао. Затем прыжки в любую погоду, кроме сильного ветра. Тренировались с трамплинов и с двух вышек разной высоты. Парашютные лямки были закреплены на тросах — космонавт катился на них до самой земли. Ноги вместе...

— Бывало, орёшь через электромегафон: «Ноги!» — Чтобы не болтал ими, а держал, как надо.

Через несколько лет Юрий так и надписал Максимову свою фотографию — таинственным, понятным лишь им двоим, словом: «Ноги».

ПРЫЖОК! ЕЩЁ ПРЫЖОК!

Высота всегда страшна. Космонавты тоже переболели «предстартовой лихорадкой», когда сердце начинало неистово стучать, а перед прыжком всего сковывало. «И хочу шагнуть за борт и не могу, — признавался Николаев. — Собрал всю волю, оторвал руки от борта кабины и прыгнул». «Как оттолкнулся от самолёта, не помню, — вторил ему Быковский. — Начал соображать, когда рвануло за лямки и над головой выстрелил купол».

«С раскрытием парашюта у человека снимаются все отрицательные эмоции, настроение резко меняется, приходит чувство радости, — писали позже, анализируя это состояние, Гагарин и Лебедев в книге «Психология и космос». — Люди начинают перекрикиваться друг с другом, иногда даже поют песни». Там же рассказывается история трудного приземления Гагарина и Беляева: сильный ветер сносил обоих к железнодорожному полотну, за которым шли столбы высоковольтной электроподачи, а далее начиналась территория лесоразделочного завода. Приземление на провода и на бревна было одинаково опасным. С места уже сорвался вездеход «Скорая помощь». Но Гагарин благополучно спустился у самых рельсов, а Беляев, поманеврировав, сел на крышу какой-то пристройки.

Гагарин обладал ценным сочетанием юмора и серьёзности: к своей работе он относился серьёзно, но делал её необременительно для других, оставаясь в обиходе шутником и балагуром. Когда, казалось бы, его должны сломить горечь или утомление, он всегда сохранял привычную ровность и спокойствие.

Как-то, близко к концу парашютной практики, Юрий спросил мимоходом:

— Что это Хмара так нахмарился? Случилось что-нибудь?

Фамилию Хмара носил завскладом — укладчик парашютов. Вид у него действительно был последние дни унылый и озабоченный.

— Худо, — отозвался Максимов. — До зарплаты далеко, а дети захворали, оба лежат в больнице, и жена там при них. Передачи носить надо.

Юрий отглянулся на Титова:

— Быстренко подпиську?

Герман понимающе вытащил лист бумаги:

— Организуем.

Вдвоём они обошли всех парашютистов...

Собственно, тут не было ничего из ряда вон выходящего: все охотно пришли на помочь товарищу. Но неладное в выражении его лица первым заметил Юрий.

Мне рассказывала саратовская учительница Надежда Антоновна Бренько. Её муж умирал в больнице. Она пришла на урок в техникум, села за стол и горько заплакала. «Ребята, — сказала она, — Юрий Фёдорович больше не вернётся к нам». Юрий Фёдорович Кузьмин, инженер-литейщик, вёл в Индустриальном техникуме специальные дисциплины, его любили. Это к нему, больному, прибегали студенты вместе с Юрием в тесную комнатку на втором этаже скрипучего деревянного дома и играли на постели в шахматы...

Парни потупились, у некоторых на глазах выступили слёзы.

— А Юра? — осторожно спросил я. — Где был он?

— Юра? — Она глубоко вздохнула, с трудом вырываясь из горестного воспоминания. — Юра, конечно, у двери.

Оказывается, он незаметно подошёл к дверям и стоял на страже, чтоб не заглянул кто-нибудь посторонний и не застал учительницу плачущей.

С годами Гагарин, вероятно, менялся во многом. Но оставались в нём неизменными до последнего дня отзывчивость и доброта. Внимательный взгляд натерпевшегося с детства человека подмечал те мелочи, мимо которых беззаботно проходили другие.

— Мне самым главным, — сказал Максимов, — кажется не то, что Юрий выдержал испытание как космонавт, — когда надо, мы, лётчики, всё выдержим! — а вот, что испытание славой достойно вынес, остался прежним, по-моему, важнее. И все космонавты потом держались так скромно, может быть, именно потому, что Юра задал тон. Да, народ его любит. Когда он должен был приехать сюда на первую годовщину полёта, как его ждали! Два дня школьники, студенты шли сплошным потоком к тому полю, где он приземлился. И люди шли, и машины ехали. В газетах потом писали, что собралось двадцать тысяч. Больше! Старушка Тахтарова, которая его первая встретила, лежала в больнице; так её на те дни врачи отпустили. «Где же, говорит, мой сынок? Я пирогов ему напекла». Большое было разочарование, когда объявили, что не сможет он прибыть. И всё равно до последней минуты верилось...

Вся парашютная эпопея заняла тридцать семь дней: тринадцатого апреля космонавты прилетели, а девятнадца-

того мая получили значки инструкторов парашютно-десантного дела. Кстати, этот значок Гагарин носил и после того, как его китель украсила Золотая Звезда...

В Москве космонавтов ждала сурдокамера. Казалось бы, для такого общительного человека, как Юрий, испытание одиночеством было особенно невыносимым. Только привычка к дисциплине, «умение с вдохновением отдаваться будничным заданиям», как скажут потом о нём в прощальном слове друзья-космонавты, только железная воля и крепкие нервы могли бы удержать его в норме.

Так казалось... Но мне думается, что именно благодаря своей общительности Гагарин легче других перенёс одиночество. Он быстро нашёл выход: ему составил компанию... собственный голос. «Доброе утро. Начинаем зарядку», — говорил он, просыпаясь. И целый день проходил в подбадривающей игре с самим собою.

Журналистка Ольга Апенченко тотчас после гагаринского полёта написала очень интересную книжку под названием: «Труден путь до тебя, небо!»

«В комнате работали трое, — рассказывала она.—Врач-психолог, лаборантка и инженер. Но всё время чувствовалось присутствие кого-то четвёртого. То и дело слышалось: «Он проснулся сегодня раньше...», «Он передал, что чувствует себя отлично...» Он — космонавт. Он много дней не видел людей, не слышал человеческого голоса.

От одиночества, от тишины самые здоровые люди склоняются к уму, у них появляются галлюцинации... Врач включает ленту записей, и раздаётся живой, улыбчивый голос Гагарина: «Земля! Я — космонавт. Сегодня пятое августа тысяча девятьсот шестидесятого года. Московское время — восемь часов сорок минут. Приступаю к завтраку. Та-ак... морковное пюре... По слуху вашего прибытия на Землю, Юрий Алексеевич, сегодня праздничный завтрак!»

Однажды все очень встревожились: датчик дыхания «не писал». Спешно включили телевизор и лишь тогда в полуторме с облегчением разглядели фигуру спящего Гагарина: ладонь под щекой, грудь ритмично вздыхает... Уф!

«Лампочки на столе у Юрия замигали: красная, красная, белая. Он посмотрел в табличку и прочитал: «Поправьте датчик дыхания».

Так, молча, разговаривала с космонавтом Земля. И понемногу он привык к её немому разговору. Но озорство не оставляло его и в этой обстановке. Он начинал болтать сам с собой, зная, что за толстыми стенами с электронной начинкой его услышат.

«Он вспоминал, кто должен дежурить в тот день, и говорил, не рассчитывая на ответ. «Зин! А Зин! — доноси-

лось из динамика. — Ты сегодня дежуришь? Как там моя Валя? Передай ей, что я тут обжился».

Прошло ещё несколько дней. По эту сторону камеры знали, что сегодня затворничеству наступит конец. Но Гагарин ничего не подозревал, для него бесконечное время продолжало тянуться и тянуться...

Неожиданно из динамика донеслось странное мурлыканье под нос.

— Вот порвались шнурки... — пел Гагарин. — Пора готовиться к записи... Сколько мне дали электродов... Один электрод с жёлтым шнурком... Другой электрод с зелёным шнурком... Третий электрод с красным...

«Мне было непонятно всё это, — пишет Апенченко, — и психолог Фёдор Дмитриевич просто объяснил: «Иссякли впечатления в камере. Вот он и ищет новых приключений. Поёт, как казах, обо всём, что видит».

В характеристике, составленной перед его полётом, было сказано: «Реакция на «новизну» (состояние невесомости, длительная изоляция в сурдокамере, парашютные прыжки и другие воздействия) всегда была активной; отмечалась быстрая ориентация в новой обстановке, умение владеть собой в различных неожиданных ситуациях. Уверенность, вдумчивость, любознательность и жизнерадостность придавали индивидуальное своеобразие выработке профессиональных навыков».

ПЕРСТ ФОРТУНЫ

У генерала Каманина много всего за спиной. «Голова в сединах, грудь в орденах», — можно сказать о нём, хотя он ещё не так и сед. В двадцать четыре года он спасал в полярном море челюскинцев; девушки тогда пели по всему Советскому Союзу:

Моё сердце ранено
Лётчиком Каманиным.

С газетных страниц смотрел юноша, стремившийся всеми силами удержать на лице деловое, даже слегка насупленное выражение...

С Гагариным они встретились впервые в начале марта 1960 года.

Но Николай Петрович не был для Юрия совсем чужим: начальник Саратовского аэроклуба Григорий Кириллович Денисенко, тоже Герой Советского Союза, фронтовой товарищ Каманина, часто рассказывал о своём однополччанине.

Думаю, что с годами генерал — человек, как мне показалось, вовсе не сентиментальный — привязался к своим питомцам, чувствовал себя уже неотторжимым от них. В его дневнике проскальзывают озабоченные, почти родительские нотки.

5 апреля 1961 года, когда они прилетели из ещё заснеженной Москвы на Байконур, где над высокими песчаными барханами дул сухой «афганец», Николай Петрович Каманин записывает:

«В автомашине по дороге на аэродром, в самолёте и сейчас, когда я пишу эти строки, а космонавты играют за окном в волейбол, меня неотступно преследует одна и та же мысль: кого послать в первый полёт — Гагарина или Титова? И тот и другой — отличные кандидаты... Есть ещё несколько дней, чтобы сделать выбор. Невольно вспоминаются дни войны. Тогда подчас было трудно решать вопрос, кого посыпать на рискованное задание; оказывается, во много крат труднее решить, кого из двух-трёх достойных сделать участником всемирно-исторического события».

Проходят сутки, Николай Петрович снова обращается к заветной тетрадке. Вот ещё одна его запись.

«Весь день наблюдал за Гагариным, вместе обедали, ужинали и возвращались в автобусе. Он ведёт себя молодцом, и я не заметил ни одного штришка в разговоре, в поведении, в движениях, который не соответствовал бы обстановке. Спокойствие, уверенность и знания — вот его характеристика за день... Ребята давно уснули, а я в раздумье сижу над дневником...»

8 апреля состоялось заседание Государственной комиссии. Полётное задание пилоту космического корабля «Восток» подписывают Королёв и Каманин. «От имени ВВС я предложил первым кандидатом Гагарина Юрия Алексеевича, а Титова Германа Степановича — запасным. Комиссия единогласно согласилась с предложением».

9 апреля, воскресенье.

«В конце дня я решил не томить космонавтов и объявить им решение комиссии. По этому поводу, кстати сказать, было немало разногласий. Одни говорили, что решение о том, кто летит, надо объявлять на старте; другие считали — надо сделать это заранее, чтобы космонавт успел привыкнуть к мысли о полёте.

Я пригласил к себе Юрия Гагарина и Германа Титова и сказал как можно более ровным голосом:

— Комиссия решила: летит Гагарин. Запасным готовить Титова.

Не скрою, Гагарин сразу расцвёл своей улыбкой. По лицу Титова пробежала тень досады, но это только на какое-

то короткое мгновение. Герман крепко пожал руку Юрию, а тот не преминул подбодрить товарища: «Скоро, Герман, и твой старт».

А накануне полёта, после обеда без тарелок и вилок, из космических труб, Юрий неожиданно сказал Каманину:

— Знаете, Николай Петрович, я, наверно, не совсем нормальный человек.

— Почему?

— Завтра полёт. Такой полёт! А я совсем не волнуюсь. Ну, ни капли не волнуюсь. Разве так можно?

Наверно, всё это так и было, хотя каждое событие имеет столько окрасок, сколько людей о нём вспоминает.

Инженеру-испытателю Юрий запомнился в предстартовые дни совсем другим — не улыбчивым, не беззаботным:

«Юрий увёл меня в сторону от испытательной площадки, и мы прогуливались вдоль монтажно-испытательного зала копуса. Он долго молчал, молчал и я. Юра поднял голову и грустно сказал:

— Ну вот, скоро и расставание...»

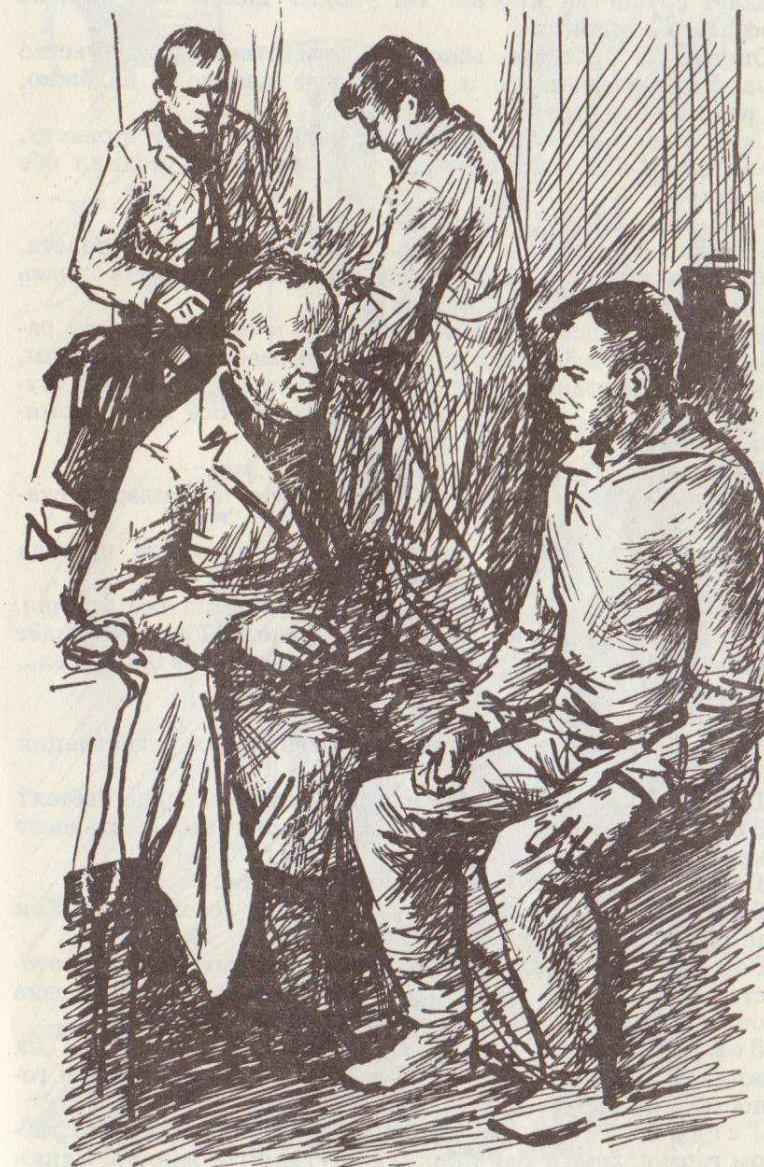
А вот какое впечатление осталось у академика Королёва:

«В своей жизни я повидал немало интереснейших людей. Гагарин — особо значительная, неповторимая личность. В дни подготовки к старту, когда у всех хватало и забот, и тревог, и волнений, он один, казалось, оставался спокойным, даже весёлым. Сиял, как солнышко... «Что ты всё улыбаешься?» — спросил я его. «Не знаю. Видимо, несерьёзный человек». А я подумал: побольше было бы на нашей земле таких «несерьёзных» людей... Один случай меня особенно изумил. В то утро, перед полётом, когда Юрий одевался в свои космические доспехи, я заглянул в «костюмерную» и спросил: «Как настроение?» — «Отличное», — ответил он и, как обычно, с ласковой улыбкой произнёс: — «А у вас?» Он пристально взглядался в моё сероватое, уставшее лицо — не спал я ночь перед стартом, — и его улыбка разом погасла. «Сергей Павлович, вы не беспокойтесь, всё будет хорошо», — сказал он очень тихо».

РУССКИЙ ИКАР

Хвала и честь одиноким путникам, идущим в темноте, наугад, к далёкому блуждающему огоньку истины. Их открытия, которые они потом принесут людям, измученные и опустошённые, подобно Прометею, разгорятся яркими солнцами. Их не забудут. Имена их священны.

Но вот 12 апреля 1961 года нашей эры от Земли



отрывается первый человек, герой и любимец века. И его облекает соучастие многих. Он уходит далеко от них, но не остаётся одиноким.

Ощущение братства, взаимной ответственности, чувство плеча сопровождает его и несёт более плавно и надёжно, чем реактивная струя.

Стоя между небом и Землёй, прежде чем войти в ракету, запеленаться в ремни, он только улыбнулся и поднял обе руки кверху.

— До скорой встречи!

«Теперь с внешним миром, с руководителями полёта, с товарищами-космонавтами я мог поддерживать связь только по радио».

И пока длилась часовая готовность к старту, между ракетой и Землёй шёл диалог. Он был то озабоченно-деловым, когда с Юрием разговаривали Королёв и Каманин, то дружески-шутливым, если подходил Попович. Всё это напоминало прощальные полчаса на вокзале.

Гагарин. Как слышите меня?

Земля. Слышу хорошо. Приступайте к проверке скафандра.

Гагарин. Проверка телефонов и динамиков прошла нормально, переходжу на телефон.

Земля. Понял вас отлично. Данные ваши все принял, подтверждаю. Готовность к старту принял. У нас всё идёт нормально. Шесть минуток будет, так сказать, всяких дел... Юра, как дела?

Гагарин. Как учили (смех).

Земля. Займите исходное положение для регистрации физиологических функций.

Гагарин. Как по данным медицины — сердце бьётся?

Земля. Вас слышу отлично. Пульс у вас шестьдесят четыре, дыхание двадцать четыре.

Гагарин. Понял. Значит, сердце бьётся.

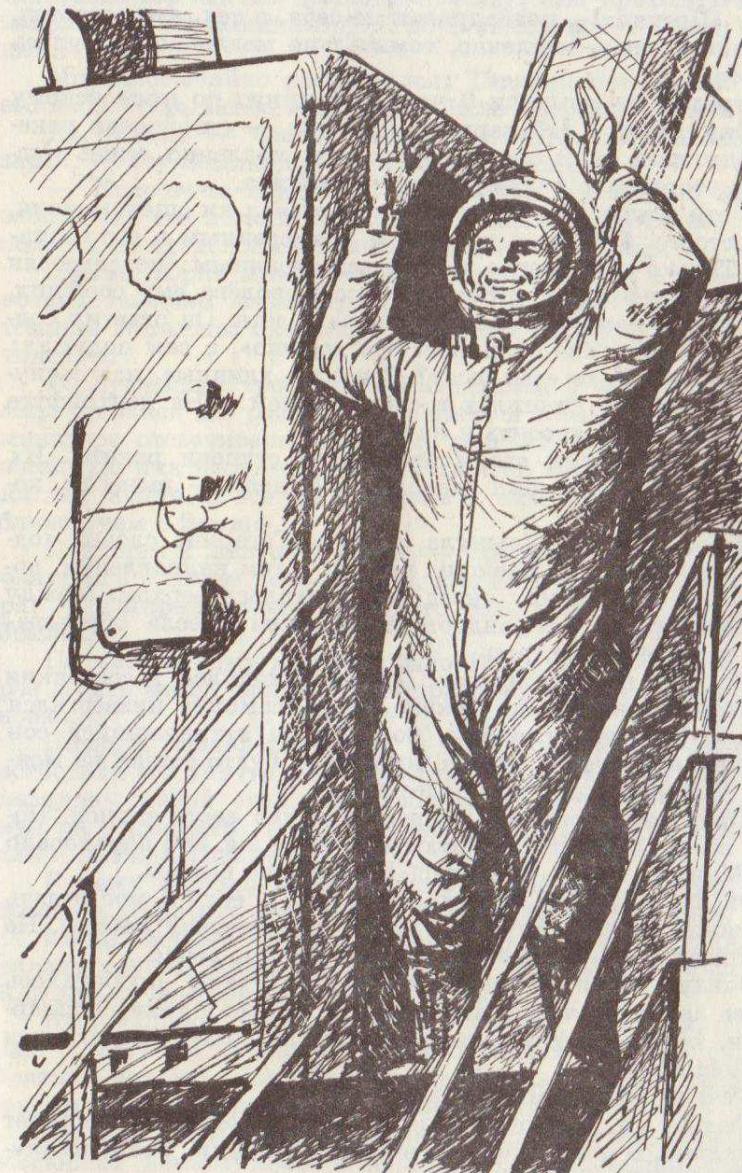
Земля. Объявлена десятиминутная готовность. Как у вас гермошлем, закрыт? Доложите.

Гагарин. Вас понял: объявлена десятиминутная готовность. Гермошлем закрыт. Всё нормально, самочувствие хорошее, к старту готов.

Земля (голосом Королёва, который сидит сейчас на командном пункте, напряжённо сведя плечи). Минутная готовность. Как вы слышите?

Гагарин (чуть приподняв голову за прозрачным забором гермошлема). Вас понял, минутная готовность. Занял исходное положение.

А когда раздалась последняя команда «Пуск!» и ракета ринулась вверх, Гагарин лихо, бедово, с чисто русским



пренебрежением к тяготам и опасности сказал своё знаменитое «Поехали!», подбадривая не себя, а тех, кто остаётся.

Ракета очень медленно, томительно медленно тронулась с места...

Стрелки показывали 9 часов 07 минут по московскому времени. Свист и всё нарастающий гул — гигантская ракета задрожала всем своим корпусом и медленно, очень медленно оторвалась от стартового устройства.

В эти мгновения он уже не испытывал ни ошеломления, ни восторга. Всё было точным и размеренным в его сознании. Только одно могло показаться странным: когда росли и росли перегрузки, с Земли голос Королёва ему сообщил, что прошло семьдесят секунд после взлёта. Он ответил бодро: «Самочувствие отличное. Всё хорошо», а сам подумал: «Неужели только семьдесят? Секунды длинные, как минуты». Но тотчас утешился воспоминанием: «На центрифуге приходилось переносить и не такое».

Одна за другой стали отделяться ступени ракеты. Их топливо выгорело; они сделали своё дело — вынесли корабль на орбиту.

И вот тяжесть склонула, а затем Гагарина словно подняло из кресла: он повис на ремнях в том направлении, которое ещё за секунду перед тем считалось верхом. Между его громоздким скафандром и сиденьем кресла образовалась прослойка пустоты.

Раньше, на тренировках, Юрий находился в состоянии невесомости несколько секунд, пока самолёт низвергался вниз. Сейчас это странное, похожее на затянувшийся сон ощущение, когда «и руки и ноги стали будто совсем не моими», должно продлиться более часа.

Юрий взял бортовой журнал и начал вести записи. Понять его не изменился, чёткость букв та же. Это порадовало его. Минуты теперь понеслись неимоверно быстро.

Он бы, пожалуй, поудивлялся этому, если б мог отдать внимание чему-то другому, кроме космической работы. Но он впитал и это ощущение, оставил его про запас...

Однако одно мощное чувство всё-таки пробивалось сквозь заградительные кордоны. Он ощущал токи солидарности, которые поднимались к нему от людей, оставшихся на Байконуре.

Земля. Как самочувствие?

Гагарин. Самочувствие отличное. Машина работает нормально. В иллюминаторе наблюдаю Землю. Всё нормально. Как поняли меня?

Земля. Вас поняли!

Как никогда прежде, он испытывал счастливое сознание своей причастности к их мыслям и надеждам.

Гагарин. Продолжается полёт в тени Земли. В правый иллюминатор сейчас наблюдаю звезду. Она проходит слева направо по иллюминатору. Ушла звёздочка. Уходит, уходит...

Мир необычайно расширился; Гагарин чувствовал себя его первооткрывателем. И это не было преувеличением.

Да, Землю — бледно-сапфировый шар, окольцованный зарей, — эту Землю до Юрия не видел никто.

— Красота-то какая! — воскликнул он, видимо совсем забыв, что его лёгкий голос, схваченный микрофоном, уже полетел из пределов внеземных обратно на Землю.

...Итак, Юрий мчится со скоростью, близкой к двадцати восьми тысячам километров в час. Под ним поблескивают тёмным металлом океаны, в размытых облаках видны континенты.

«С душевным трепетом всматривался я в окружающий мир, стараясь всё разглядеть, понять и осмыслить. В иллюминаторе отсвечивали алмазные россыпи ярких холодных звёзд. До них было ещё ой как далеко, может быть, десятки лет полёта, и всё же с орбиты к ним было значительно ближе, чем с Земли».

Подлетая к жёлтой Африке — так удивительно, что она оказалась в самом деле жёлтой, как на школьной карте мира! — Гагарин спохватился, что ведь уже почти опоясал Землю.

По московскому времени было 10 часов 15 минут. Через десять минут включалась тормозная двигательная установка.

Корабль сошёл с орбиты, и плотные слои атмосферы встретили его упруго, как морские волны. Гагарину они показались стеной огня. Он невольно с беспокойством взглянул на термометр: нет, в кабине двадцать градусов тепла, как и прежде. Пока что всё шло хорошо.

К нему возвращалась тяжесть. Юрий напряг мускулы, готовясь встретить перегрузки. У него было литое тело.

Юрий обладал натурой, которая требовала действия. По складу своего характера он всегда жил в сегодняшнем. Каждое его желание облекалось в поступок.

Неожиданное обрушивается на многих, как буря, и сбивает с ног. Но истинный герой обладает врождённой небоязнью новизны, способностью приближать к себе завтрашнее чудо всего лишь на расстояние вытянутой руки.

Поэтому знаменитое гагаринское спокойствие, его дружелюбная невозмутимость перед любой переменой судьбы были не следствием недостатка воображения или бесчувственностью, а лишь знаком того, что он внутренне всегда был готов к подвигу.

«Восток» приближался к Земле. Все системы сработали отлично; Юрий благополучно опускался. И тут его покинули деловитость и напряжение. На минуту он стал тем, кем и надлежало ему быть сейчас, — Самым Счастливым Человеком На Свете. Он вспоминает:

«От избытка счастья я громко запел:

Родина слышит,
Родина знает...»

Внизу уже хорошо различалась Волга и знакомый город за оградой нагих весенних холмов. Дважды знакомый: по учёбе в техникуме, по занятиям в аэроклубе. Значит, он возвращается не только на Землю, не только на Родину, но в обжитые, любимые им места.

...Несколько обгоревший железный шар приземлился на вспаханном поле.

ВСТРЕЧА

В это же самое утро Валентина Ивановна Гагарина в своей квартире на подмосковной станции занималась обычными домашними делами. В Москве холоднее, чем на Байконуре или в Саратове; окна были плотно закрыты, день обещал остаться облачным... Валентина Ивановна покормила малышку Галю, разбудила, умыла и усадила завтракать старшую.

Муж её улетел уже неделю назад. Накануне ночью они долго разговаривали, представляли своих крохотных дочерей выросшими, даже замужними. Целая жизнь проигрывалась в воображении.

С тех пор каждый день и час она ждала известий. И всётаки утром опоздала включить телевизор. Сообщение о полёте было уже передано: Гагарин в космосе!

Во весь телевизионный экран встала Красная площадь с набежавшими отовсюду толпами. Люди обнимались, пели, вскидывали над головой самодельные плакаты с горючей надписью «Гагарину — ура!». А потом крупным планом показали портрет Юрия.

— Папка! — спокойно кивнула на него Леночка, грызя яблоко и болтая ногами.

Её мать без сил опустилась на стул и обхватила ладонями разом побелевшие щёки.

Василий Фёдорович Бирюков, клушинский старожил, председатель сельского Совета, узнал о полёте из «Последних известий». Не успел собраться с мыслями, прикинуть, кто же это из Гагариных мог быть (он знал всех, начиная

с деда Ивана Гагары: и сыновей, и внуков, и дядьёв, и племянников), как в дверь вошёл Алексей Иванович Гагарин. И тотчас раздался звонок из Гжатского райкома.

— Говорят, что космонавт родом из наших мест. Сейчас мы спешно устанавливаем: откуда именно? У вас по сельсоветским книгам такой не числится?

— Зачем мне в книги заглядывать? — отозвался Бирюков. — Я и так уже знаю, что он наш! И отец его сейчас тут. Передаю трубку.

Алексей Иванович, в тот день совершенно случайно заглянувший в сельсовет, к телефону подошёл, но говорить не смог: и голос перехватывало, и руки тряслись.

А ведь утром 12 апреля для него началось так обыденно! Была среда. Он подрядился плотничать на строительстве в колхозе и вышел из дома спозаранку.

Снег под Гжатском хоть и не везде сошёл, но речки надулись и разлились. Старичок перевозчик, сажая Гагарина в лодку, полюбопытствовал, в каком звании у него средний сынок. «А что?» — отозвался Алексей Иванович. «Да по радио сейчас передавали, какой-то майор Гагарин в космосе летает...» — «Нет, мой пока старший лейтенант. До майора ему ещё далеко. А за однофамильца порадуемся». Повеселевший Алексей Иванович продолжал путь. И лишь в сельсовете известие о сыне ошеломило его. Бирюков между тем кричал в телефон:

— Сейчас создадим условия! Отправим в Гжатск.

Выполнить это было не так-то просто: весенний разлив почти отрезал Клушино от Гжатска. Даже телеге не проехать.

— Тогда, — рассказывает Василий Фёдорович, — мы притгнали верховых лошадей, кое-как подсадили в седло Алексея Ивановича; он хромой, на коне плохо держится. Да и разволновался очень. Сопровождать его отправили Якова Громова; поскакали они на Затворово: крюк несколько вёрст, а иначе не пробраться. Через несколько часов Яша, запыхавшись, вернулся. «Ну, говорит, всё в порядке. Доставил. Дальше повезут на тракторе». Вот так, — торжественно добавил Василий Фёдорович, — отец космонавта узнал про полёт своего сына у нас, в Клушине, на родной земле.

Между тем Анна Тимофеевна оставалась в Гжатске, на Ленинградской улице, всё в том же домике, сруб которого перевезли после войны из деревни. Как обычно, она топила поутру печь.

Юрий потом писал, что во время полёта думал о ней, беспокоился, сообщила ли жена что-нибудь о нём его матери.

Но едва ли Валентина Ивановна могла это сделать из

Москвы: телефона в гагаринской избе не было. Да и что она стала бы сообщать, если сама целую неделю томилась неизвестностью, да и, по свидетельству Каманина, окончательный выбор космонавтов был определён лишь на космодроме.

У матери космонавта никаких предчувствий не возникало, и она ни о чём не догадывалась, пока дверь не распахнула невестка Мария, жена старшего сына Валентина.

— Да как же вы!.. Радио-то включите.. Юрка наш в космосе! — И запричитала побабы: — Что наделал, что наделал! Ведь двое деток у него!..

Анна Тимофеевна всегда отличалась большим присутствием духа, разумностью и самообладанием. Юрий удалился в неё.

Какая буря пронеслась в её сердце, что она почувствовала и пережила при неожиданной вести, которую сообщил ей не ликующе-торжественный голос Левитана под бравурные звуки марша, а перепуганная, мало понимающая в космических делах женщина, мы допытываться не станем.

Но первое движение было — как всегда и у Юрия — действовать. Она поспешно сбросила домашнюю косынку, пригладила волосы и повязала дорожный платок.

— Я к Вале, — сказала она. — Нельзя её сейчас одну оставлять. У неё дети маленькие.

И, не подумав больше ни о ком на свете, твёрдым шагом двинулась она через весь город к железнодорожной станции.

А когда она приехала в Москву, Юрий уже невредимо опустился на саратовском поле.

И от сердца у неё отлегло...

Юрий, слегка пошатываясь, как человек, только что переживший громовой разряд, ступил на сырую комковатую землю.

Было одиннадцать часов утра. Ветрено. Он стоял среди невысоких холмов и буераков у подножия песчаного обрыва, словно срезанного лопатой, вблизи зябких кустов лесополосы — бузинных, смородинных, голых стволов акаций и клёна...

Над ним — огромной величины небо с рваными быстрыми облаками. «Небо на одного», — как говорят лётчики.

После стиснутости кабины — весь простор. После комка багрового пламени — голубизна и неподвижность. Земной рай состоял из тишины и света! Не было никаких лишних звуков. Только ветер переваливал с холма на холм да кровь шумела в ушах.

В эти первые полчаса у него было странное лицо: без улыбки. Но высушенное. Будто каждый солнечный луч

дарился ему заново. Словно он не до конца ещё поверил, что стоит на твёрдой земле, вспаханной под зябь.

Светлые Юрины волосы спутались надо лбом. От великой усталости брови придавили веки. В зрачках ещё не растаяла чернота космоса...

Выпустив пятнистого телёнка потоптаться по вольной землице, Анна Акимовна Тахтарова, жена сторожа лесничества и бабушка шестилетней Риты, пошла вместе с внучкой в огород вскопать грядки, сколько успеет до обеда.

Она была повязана низко на лоб платком. Платок показался бы очень схожим с другим, который сейчас за тридевять земель от неё надевала Анна Тимофеевна Гагарина, если было б кому сравнивать! Но Анна Акимовна ничего не знала ни о матери космонавта, ни о самом космонавте, потому что за делами тоже не включила с утра радио. Зато когда внучка Рита дёрнула её за рукав, тыча куда-то в поля замаранным кулаком, Анна Акимовна выпрямила натуженную спину — и обмерла.

Недалеко от них, почитай шагов за сто, тяжело переваливаясь, двигалась диковинная фигура. Руки, ноги, туловище — всё неуклюже обтянуто толстой тканью цвета подсолнечника. На плечах шар, похожий на водолазный.

Чужак замахал рукою, Тахтарова, не отпуская внучку, с опаской подходила к нему.

Юрий тоже ещё издали приметил нерешительные фигурки. Спотыкаясь, они шли по взмокшей, недавно оттаявшей почве с пупырчатыми блюдечками позднего снега по ложбинам. Шаги их становились всё медленнее... Через минуту перед Юрием стояли две перепуганные землячки: малорослая пожилая женщина с несколько расплывшимися татарскими чертами, высоким морщинистым лбом и прищуренными глазами и маленькая девочка, одетая по-зимнему и поэтому похожая на ватную куклу.

— Свой я! Советский! — закричал Гагарин против ветра, захлёбываясь им.

Тахтарова разглядела молодое лицо и взмокшие волосы из-под шлема. Чтобы успокоить её окончательно, он добавил совсем по-газетному:

— Я лётчик-космонавт. Вернулся из космоса...

У Анны Акимовны сын Иосиф служил в армии. Она по-немногу оттаяла и заулыбалась. Гагарин вспоминает эту сцену так:

«— Неужели из космоса? — не совсем уверенно спросила женщина.

— Представьте себе, да, — сказал я».

Их первые слова были случайны и беспорядочны: уже через полчаса их нельзя было припомнить с достоверностью.

...Истекло всего двадцать минут с начала полёта, а из Байконура уже поднялся самолёт «АН-12». О благополучном приземлении Каманин услышал уже в пути. Вот что он записывал в своём дневнике:

«...Аэродром в Куйбышеве. Открылась дверь самолёта, и Юрий стал спускаться. Он был в зимнем лётном шлеме и в голубом тёплом комбинезоне. За девять часов, которые прошли с момента посадки в космический корабль до этой встречи на Куйбышевском аэродроме, я так много пережил за него, что он стал для меня вторым сыном. Мы крепко обнялись и расцеловались. Со всех сторон щёлкали кино- и фотоаппараты, толпа всё росла, была опасность большой давки; Юрий, хотя и улыбался, выглядел очень уставшим (мне показалось, что эта усталость от полёта, а не от встречи, как уверяли многие). Необходимо было прекратить объятия и восторги. Я попросил Юрия сесть в машину...»

Но ещё раньше о порядке позаботился на правах хозяина генерал Стученко. Его сопровождали местные власти: первый секретарь обкома Мурысов и председатель облисполкома Токарев.

Вид спускавшегося человека на мгновение озадачил. Неосознанно для себя генерал ожидал встретить героя обликом посолиднее, пошире в плечах, поважнее лицом... А к нему сбегал по трапу в измятом голубом комбинезоне стройный юноша с немного растерянной улыбкой.

Генерал взял под козырёк, поздравил с завершением полёта и с присвоением нового воинского звания. Но официальные слова как-то сами собою потерялись; Гагарин и на генерала смотрел с тем же трогательным выражением блаженства и ошеломления. Мгновенно расчувствовавшийся генерал сгрёб Юрия в охапку.

И только затем он перешёл в объятия Каманина и Титова. Гагарин так вспоминает свой первый разговор с Германом:

«— Доволен? — спросил он меня.

— Очень, — ответил я, — ты будешь так же доволен в следующий раз...»

Потом их всех увезли на дачу, где Гагарин мог передохнуть. Дача была трёхэтажная, на высоком обрыве, с видом на противоположный берег, где леса за Волгой уходили так далеко, что казались синим морем... Юрий погулял по окрестностям и даже сыграл в бильярд.

За обедом все жадно его расспрашивали. Он отвечал охотно, но сбивчиво; воспоминания не устоялись ещё и теснили друг друга. Землю он называл, как помнится Андрею Тимофеевичу Стученко, по-чкаловски: «земным шариком»...

— А что, если послать самолёт в Москву за твоей же-

ной? Пусть она побудет здесь, и в Москву полетите вместе, — предложил генерал Стученко после обеда. Ему очень хотелось сделать что-нибудь особо приятное для Юрия.

Гагарин на мгновение задумался, потом покачал головой.

— Пожалуй, не стоит. Ведь Валентина сейчас кормит грудью ребёнка. Устанет, разволнуется, может молоко пропасть.

Андрей Тимофеевич, подумав, согласился с ним:

— Это верно. Пусть попривыкнет к мысли, что всё благополучно. Тогда и встреча у вас будет более лёгкой.

В тот же день генерал дал команду сшить для Юрия Гагарина новый парадный мундир. Срок исполнения заказа у портных был самый сжатый. Но работали они вдохновенно, забыв о времени, сутки напролёт не выходили из ателье. И наградой мастерам стала благодарная улыбка Гагарина. Он взял лист чистой бумаги и написал: «Благодарю за работу. Ю. Гагарин». Он ценил всякий труд.

Друзьям-космонавтам Гагарин повторял: «Ребята, герой бессмертный и славный — это наш советский народ... А мы лишь его сыны с Золотыми Звёздами на мундирах».

В прохладное облачное утро 14 апреля за Гагарином прилетел из Москвы специальный самолёт. Километрах в пятидесяти от столицы его нагнал почётный эскорт из семи истребителей: два справа, два слева и три сзади.

Боковые «МИГи» шли так близко, что Юрий видел улыбающиеся лица лётчиков и сам улыбался им в ответ. Попросил радиста послать приветствие: «Друзьям истребителям горячий привет».

А потом он увидел сверху толпы людей, переполненные улицы Москвы, Внуковский аэродром, ахнул, заволновался. Самолёт, пробежав по взлётной дорожке, остановился за сто метров перед трибуной. По серому полю шла узкая длинная лента ковра. Она начиналась у лестницы, по которой сейчас спускался космонавт: «Надо было идти, и идти одному. И я пошёл».

Воздушные шары взлетали вверх, оркестр заиграл марш, напряжённые, торжественные лица стали наплывать ближе. Гагарин шёл бравым, размашистым шагом, хотя у него на одном ботинке развязался шнурок...

«Да, мне было страшно выступать перед тысячами людей, видеть их изумлённые, восторженные лица. Я был готов к испытанию космосом, но не был подготовлен к испытанию человеческим морем глаз...»

С тех пор жизнь Юрия Гагарина развивалась как бы в двух планах.

Для себя он продолжал оставаться офицером, который

готов был действовать согласно приказу в любое время суток. Он по-прежнему чётко и дисциплинированно нёс свои обязанности в Городке космонавтов, много учился сам и учил других. С миссией дружбы объездил много стран — это тоже была его работа... Последние годы Юрий Алексеевич старательно учился в военной академии и за две недели до гибели показывал с гордостью новенький диплом двоюродной сестре, той самой, что некогда отвозила его в Люберецы: «Смотри, Тоня, я теперь инженер!» Жена его в ту пору лежала в больнице; он один домовничал с подрастающими дочками. Он взросел, менялась его внешность, устраивался быт... Но для всего человечества он продолжал оставаться космическим первенцем планеты, тем, кто ослепил мир открытой юношеской улыбкой!

Личность Юрия Гагарина потому так легко ложится в легенду, что она уже спервоначалу являла черты ясности и удивительной «всеобщности». Он был человеком из народа, который не столько поднялся над другими, сколько вместе с собою поднял на пьедестал всю свою эпоху — эпоху масс и коллективных усилий.

Он будто звук, усиленный горным эхом.

Совершить героическое — значит отважиться на то, что сегодня кажется немыслимым для большинства. И быть готовым поплатиться за это.

Для самого героя его подвиг — предел всех возможностей. Если он оставляет что-то «про запас», то самое отважное деяние тем самым становится работой: трудной, достойной всяческого возвеличивания и преклонения, но работой. Подвиг же всегда прорыв в Великую Неизвестность. При самых точных предварительных расчётах человек пускается в это предприятие как бы с завязанными глазами, полный внутреннего напряжения и готовности к любому исходу.

...Мы уже никогда не узнаем, чему научился, что вынес Гагарин из своих триумфальных кругосветных путешествий, но что он не утерял, не растратил себя — мы знаем.

...Гагарин желал и умел оставаться самим собой. К своему тридцать четвёртому году он подходил во всеоружии знаний, опыта, доброты, готовый к труду на полную отдачу. Мужество всегда имеет свою неизменную цену. Гагарин обладал двумя извечными добродетелями: он был смелым и великодушным и поэтому, став героем своего времени, останется таким и для будущих веков.